

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России

Центр военно-политических исследований

Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России

Аналитический доклад

Издательство «МГИМО–Университет»

2014

УДК 327
ББК 66.4
П44

Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Казанцев А. А.,
Козин В. П., Орлов А. А.

П78 Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России : аналитический доклад / А. И. Подберезкин и [др.] ; под общ. ред. А. И. Подберезкина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, ЦВПИ. — М. : МГИМО–Университет, 2014. — 44 с.

ISBN 978-5-9228-1061-6

Настоящее исследование посвящено анализу современных и прогнозируемых тенденций развития международных отношений в контексте возможных военных угроз безопасности Российской Федерации, содержит практические соображения относительно путей выстраивания Россией своей военной политики.

The present study focused on current and projected trends in the development of international relations in the context of possible military threats to the security of the Russian Federation, contains practical suggestions on how to build Russia's defense policy.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-9228-1061-6

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2014

На современном этапе доминирующей тенденцией мирового развития является стремительное ускорение глобальных процессов, ведущее к тектоническим сдвигам в сформировавшейся после окончания «холодной войны» геополитической ситуации. Как отмечается в действующей Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом президента РФ В.В. Путина от 12 февраля 2013 года), «международные отношения продолжают усложняться, их развитие становится все более труднопредсказуемым»¹. Все усложняющиеся международные процессы протекают в условиях повышенной турбулентности. Возможности ведущих стран Запада, возглавляемых США, доминировать в мировой экономике и политике объективно сокращаются на фоне роста потенциала силы и развития других регионов мира, прежде всего Азиатско-Тихоокеанского. Одновременно с этим усиливаются позиции и возможности новых глобальных игроков, включая Китай, Индию и Бразилию, входящих, наряду с Россией и ЮАР, в БРИКС. Стремление западных государств удержать всеми силами свои господствующие позиции в мире в сочетании с выходом на мировую авансцену новых лидеров будет вести к нарастанию глобальной конкуренции, которая в обозримой перспективе будет становиться все более острой. Последствием этого может стать существенное (в худшем случае — драматичное) усиление глобальной нестабильности с последующей значительной деформацией сложившейся системы международных отношений. Такое развитие может, в свою очередь, привести к возрастанию значения военной силы как важнейшего внешнеполитического ресурса государства.

Главной целью настоящего исследования является анализ **современной и будущей парадигмы** (как совокупности фундаментальных научных установок и представлений, разделяемых большинством политического и научного сообщества) международной ситуации с точки зрения возможных военных угроз России и вы-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации // URL: <http://www.mid.ru>

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

страивания ею своей военной политики. Попытка долгосрочного прогноза таких парадигм в среднесрочной и долгосрочной перспективах, с учетом значительного числа разноплановых факторов — как внутренних, так и внешних, которые необходимо учитывать, — представляет собой весьма сложную научную проблему. Достаточно сказать, что формирование военной политики России невозможно в отрыве от общих тенденций мирового развития. На этот процесс, в разной степени, воздействуют более 200 государств (из них 193 государства-члены ООН) и тысячи других международных и негосударственных субъектов правоотношений. Одновременно должны учитываться факторы эволюции внутривнутриполитической ситуации в конкретных странах мира.

Следует отметить, что существует и еще ряд факторов, повышающих значимость военной силы государства, помимо роста сложности и конфликтности международной обстановки. Симптоматично в этой связи, что некоторые исследователи находят прямую взаимосвязь между развитием мировой экономики и военно-политическими конфликтами в периоды 1939–1949 гг., 1975–1983 гг. и возможным периодом 2014–2020 годов, связывая его со сменой военно-технологического уровня развития (см. ниже рис. 1.)². В зоне развивающихся стран дополнительным конфликтотогенным фактором выступают климатические изменения, прогнозируется усиление глобальной борьбы за обладание природными ресурсами (особенно нефтегазовыми и пресной водой).

График прогнозируемых спадов и подъемов мировой экономики на «понижательной» волне пятого К-цикла (фаза «великих потрясений»)

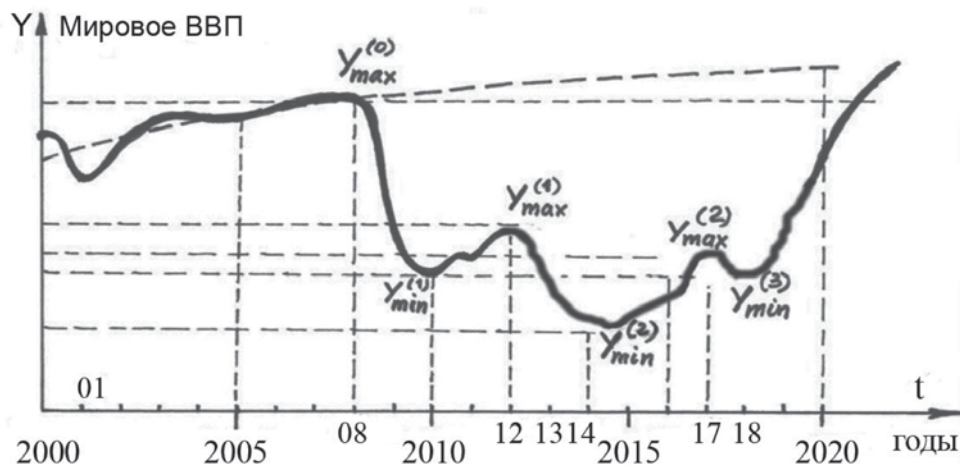

Рис. 1

Таким образом, глобальные тенденции, внутривнутриполитические факторы, международные субъекты оказывают непосредственное влияние (от определенного до решающего) на составление долгосрочных военно-политических прогнозов, а также корректировку эволюции парадигм развития или даже их смену.

При этом, если говорить о международных факторах, особенно государствах, то их политика может меняться (и меняется) в коротких временных рамках. Если же

² Аладьин В. Ковалев В., Малков С., Малинецкий Г. Пределы сокращения. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. С. 81.

иметь в виду десятилетия, то она может приобретать даже прямо противоположную направленность.

Основные факторы, влияющие на международную ситуацию, внешние и военные угрозы

I. Международные тренды и условия

- формирование полицентричной модели мира;
- взаимозависимость и внутренний антагонизм тенденций к глобализации и регионализации международной жизни;
- состояние стратегической стабильности в мире;
- нарастание глобальной конкуренции, в том числе в отношении ценностей и моделей цивилизационного развития государств, обострение межгосударственных противоречий;

Россия-2014: оценка и анализ влияния внешних факторов и военных угроз (современная парадигма)

Рис. 2

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

- уязвимость всех членов международного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз;
- состояние мировой экономики и глобальной финансово-экономической системы;
- основные тенденции научно-технического прогресса (см. ниже на рис 2. оценку влияния внешних факторов и военных угроз).

II. Внешняя политика государств

- сочетание традиционной блоковой и многовекторной дипломатии;
- масштабы использования военной силы с целью решения внешнеполитических задач, рецидивы односторонних силовых подходов;
- территориальные претензии;
- завышенные внешнеполитические амбиции.

III. Международные организации и объединения

- ООН — центр регулирования международных отношений и координации мировой политики;
- региональные и субрегиональные организации и соглашения;
- союзы, блоки, коалиции, диалоговые форматы.

IV. Деятельность негосударственных субъектов

- неправительственные и негосударственные (некоммерческие) организации, социальные движения;
- радикальные организации и террористические сети.

V. Внутренняя политика государств

- стабильность внутривластного и финансово-экономического положения;
- разделение властей, эффективная правовая и правоохранительная системы, наличие институтов демократического контроля за деятельностью властных структур, противодействие коррупции;
- реальная многопартийность;
- автономия правительства или его подчиненность частным интересам (state capture);
- военная политика и военное строительство;
- состав, структура и направления развития Вооруженных сил и т.д.

Отметим, что каждый из описанных выше групп факторов может дополняться, конкретизироваться и совершенствоваться в дальнейшем.

Необходимое для военной политики и военного строительства стратегическое планирование требует объективной оценки будущей ситуации в мире и выверенного стратегического прогноза, в том числе и исходя из того, что на фундаментальные исследования и цикл: НИОКР — опытный образец — испытания — принятие на вооружение — может уйти несколько десятилетий. Причем налицо тенденция к удлинению указанного цикла. (См. рис. 3).

Сроки создания, испытания и принятия на вооружение ВиВТ

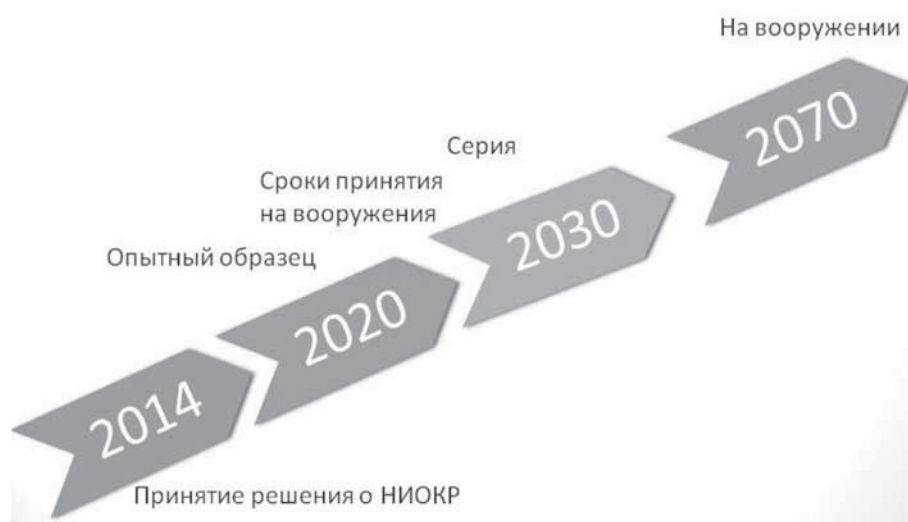

Рис. 3

Существующая практика долгосрочного военного планирования в зарубежных странах довольно показательна (например, планы модернизации всех трех элементов стратегической ядерной триады США рассчитаны до 2075 года, их ТЯО — до 2070 года, а программы развития наземных и морских робототехнических американских систем выстраиваются на среднесрочную перспективу). Приведенный пример свидетельствует о том, что такое планирование реализуется как по отдельным родам и видам вооруженных сил, так и по отдельным направлениям развития вооружений и военной техники (ВиВТ). См. рис. 4, 5, где приведены оценки развития наземных и морских РТС США.

Рис 4

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

Рис 5

Основываясь на анализе потенциальных тактико-технических возможностей новых ВиВТ, таким образом можно судить о долгосрочных военно-политических целях вероятных противников и, соответственно, о потенциальных внешнеполитических и военных угрозах. В частности, прогноз развития крылатых ракет (КР) США позволяет сделать вывод о том, что после 2020 года Пентагон будет обладать стратегическим неядерным потенциалом, который во многом в состоянии будет, если не полностью заменить, то дублировать американские стратегические ядерные силы (СЯС). См. на рис. 6, 7 соответствующие американские планы и независимые экспертные оценки ситуации с крылатыми ракетами.

Рис. 6

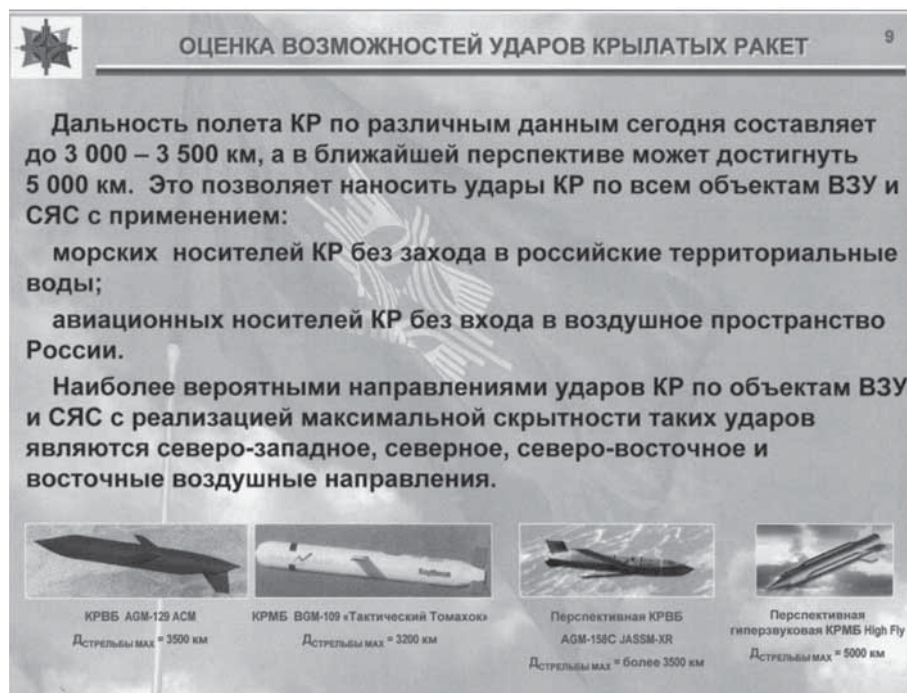

Рис. 7

Этот прогноз вполне укладывается в существующую уже давно перспективную парадигму в США, в соответствии с которой необходимо создать контрсилловой потенциал, способный ликвидировать ядерный паритет с Россией.

Попытки прогнозирования социальных и политических тенденций особенно трудны тем, что в этих областях быстро появляются и структурируются новые явления. Возникают и новые парадигмы, которые трудно обнаружить на начальном этапе их зарождения, а тем более предвосхитить их появление. Поэтому очень важно на этапе анализа военно-политической ситуации в мире попытаться обнаружить зачатки развития новых тенденций развития вооружений и стратегий их применения, а также парадигм.

Подобный четкий и многофакторный анализ современной международной ситуации необходим потому, что это прямо отражается на безопасности государства.

Если в 40-е и 50-е годы прошлого века военно-техническое отставание можно было ликвидировать за несколько лет, то в нынешнем веке на это может уйти несколько десятилетий. **С переходом к новому технологическому укладу это отставание компенсировать будет практически невозможно.** Если XX век справедливо считался «ракетно-ядерным веком», то XXI век вполне может оказаться «противоракетным веком» и одновременно «веком гиперзвукового высокоточного оружия». Причем, ключевая характеристика «противоракетного века» будет включать такую отличительную черту, как превалирование ударно-боевых средств ПРО над наступательными ракетно-ядерными вооружениями, чего не было в прошлом веке, когда наступательные ракетно-ядерные вооружения в количественном отношении значительно превосходили число противоракетных ударно-боевых систем. Например, в начале 1970-х годов шести тысячам боезарядов СНВ СССР и США противостояли по 100 ракет-перехватчиков, размещенных только в одном позици-

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

онном районе ПРО (для каждой из сторон). К 2020 году может наблюдаться иная картина: только Соединенные Штаты будут иметь на вооружении свыше одной тысячи перехватчиков стратегического назначения типа «Standard-3» и «THAAD» системы ПРО ТВД (без учета ракет-перехватчиков первого эшелона типа «Patriot RAC-3»), а количество оперативно развернутых у них носителей в соответствии с российско-американским Договором СНВ-3 (2010 года) не будет превышать 700 единиц.

Становится все более очевидным, что военно-техническое соперничество по инициативе Вашингтона перенесено в технологическую область, которая в США на высшем военно-политическом уровне объявляется «главным приоритетом» безопасности. В практическом плане это означает, что отставание в той или иной технологической области ведет к отставанию по всему спектру видов и систем оружия. Так, игнорирование в свое время в России значения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) привело к ее некоторому технологическому отставанию, что, в свою очередь, предоставляет США, Франции, Великобритании и Израилу существенные военно-технические преимущества долгосрочного характера. Характерно, что на современном этапе разработки по линии БПЛА закладываются в основу ближайшего перспективного этапа модернизации американских вооружений, который строится на расширенном замещении личного состава ВС на боевых роботов³. (См. на рис. 8).

Рис. 8

Особенно важно в этой связи учитывать не только научный, технологический и военно-технический факторы, но и перспективы развития **международной обстановки**, ситуации в отдельных регионах и даже отдельных странах. Прежде всего, целесообразно принимать во внимание появление новых вероятных противников,

³ США постепенно будут заменять солдат на поле боя роботами / URL: www.regnum.ru/news/polit/1758891.html-26.01.2014

угроз или потенциальных союзников, что радикально меняет расстановку военных сил в мире, регионе или вблизи границ России. Например, в современном Китае уже имеется более 10.000 танков, причем порядка 30% — новейших образцов, размещенных в северных округах, граничащих с Россией и Казахстаном. Это примерно в 5 раз превышает число танков, имеющихся на вооружении России, хотя наличие у нас больших запасов складированных танков несколько смягчает ситуацию. Однако темпы развития бронетанковых войск КНР таковы, что к 2020 году они в разы будут превосходить российские возможности, в том числе, включая складированные танки⁴. В этом случае возникает вопрос: если отношения КНР и России изменятся через 5–10 или 15 лет, то как предстоит нам реагировать на очевидное превосходство Китая в бронетанковых силах на Дальнем Востоке?

Ответ на этот вопрос предполагает несколько гипотетических вариантов:

- дать симметричный ответ: запускать в масштабное серийное производство современные образцы танков, например, Т90 АМ с тем, чтобы к 2020 году создать парк новых танков, насчитывающий 10–15 тыс. единиц;
- ничего не делать или сохранять нынешний уровень производства танков, полагаясь на то, что Китай останется «вечным союзником» России, а все разговоры о его возможных территориальных и ресурсных претензиях — досужие вымыслы;
- готовить ассиметричные высокотехнологичные ответы (развертывать и модернизировать ТЯО, создавать особые средства массированного поражения танков, ударную авиацию) и т.д.

В любом из этих случаев для реализации принятых решений потребуется время, причем, как минимум, до 2025 года. Это означает, что возможные варианты развития военно-политической ситуации в 2025–2030 годах, в нашем случае в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), должны быть представлены уже сегодня, в 2014 году. При этом цена ошибки может оказаться чрезвычайно высокой: либо она будет выражаться в нанесении неприемлемого ущерба безопасности России, либо в огромных излишних затратах национальных ресурсов. Это потребует от принимающего решение российского военно-политического руководства с большой точностью предположить возможное развитие российско-китайских отношений через 10–15 лет и даже через 20–30 лет, эволюцию внутривнутриполитической ситуации в Китае, а также учесть вероятный вектор китайской внешней политики и много других факторов.

Подготовка такого прогноза, с одной стороны, представляется обязательной, с другой стороны — чрезвычайно сложной и ответственной задачей. Выступая в декабре 2013 года с Посланием Федеральному Собранию РФ, В.В. Путин подчеркнул: «Мировое развитие становится все более противоречивым и более динамичным. В этих условиях возрастает историческая ответственность России. И не только как одного из ключевых гарантов глобальной и региональной стабильности, а как государства, которое последовательно отстаивает свои ценностные подходы. В том числе и в международных отношениях. Накал военно-политической, экономической,

⁴ Барятинский М. Грозная броня Поднебесной / URL: Военно-промышленный курьер, 2013. № 40.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

информационной конкуренции в мире не снижается, а только усиливается. И другие центры влияния внимательно следят за усилением России»⁵.

Серьезную озабоченность мирового сообщества вызывают экстремизм и терроризм, незаконный оборот наркотиков, организованная преступность, различные формы националистических проявлений, включая ксенофобию, сепаратизм, в том числе под религиозными лозунгами, нелегальная миграция, пиратство, торговля людьми и т.д. Не снижается накал региональных и локальных конфликтов на межэтнической и межрелигиозной почве, угрожающих региональной и международной безопасности.

Поэтому составление стратегического прогноза в области противодействия угрозам национальной безопасности, включающего моделирование сценариев развития военно-политической обстановки, международных, региональных и внутренних конфликтов на долгосрочный период, не может быть заменено прогнозом развития ВиВТ.

Такой качественный анализ, в частности, предполагает:

- а) изначальную проработку методических основ анализа военно-политической ситуации и ее мониторинга, а также создания на этой основе базы для стратегического планирования;
- б) прогнозирование сценариев развития военно-политической ситуации в мире, регионах и отдельных странах;
- в) прогноз возможного характера войн, международных, региональных и внутренних военных конфликтов с точки зрения политических целей использования военной силы.

В науке уже сложилась основа для стратегического прогнозирования и планирования, хотя очевидных преимуществ (как показывает практика) не дает ни одна методика. В целом существует три основных вида прогнозирования, принципиально отличающиеся друг от друга, которые могут быть использованы при подготовке стратегического прогноза и планирования. Это: **линейное, классификационное и нелинейное прогнозирование**.

Линейное прогнозирование в области международных и военно-политических отношениях представляет собой анализ уже существующих парадигм и развитие тенденций, возникших в общепринятой парадигме, а также расширение их практического применения.

Так, в 2012–2014 гг. отмечалась достаточно быстрая эволюция парадигмы безопасности в Юго-Восточной Азии, которая характеризовалась следующими проявлениями: нарастанием напряженности в отношениях между Японией, Китаем, Южной и Северной Кореями; усилением националистических и даже милитаристских настроений; ростом недоверия к многосторонним механизмам обеспечения безопасности; усилением тех частей элит, которые делают ставку на увеличение национальных военных потенциалов; отходом Китая от «завещания» Дэн Сяопина об умеренной политике; ростом недоверия между Южной Кореей и Японией; нарастанием обеспокоенности в странах ЮВА относительно внешней политики

⁵ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Декабрь 2013 года / URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825>

Китая; появлением сомнений в отношении надежности гарантий и будущей политики США в регионе⁶.

Развитие этой ситуации, вероятно, выйдет за рамки линейного прогнозирования в ближайшие годы и потребует уже сегодня переоценки парадигмы ее развития в ЮВА.

Скажем, другим наглядным примером проявления линейного прогнозирования может стать развертывание наземных компонентов системы ПРО США на европейском континенте (в Румынии и Польше) и в прилегающих к нему морях (в начале 2014 года ВМС США располагали 29 боевыми кораблями с информационной боевой управляющей системой ПРО «Иджис»). К 2041 году Пентагон будет иметь до 84 таких кораблей, что составит 27% от всего американского корабельного состава к этому периоду времени⁷.

Классификационное прогнозирование относится к объектам и явлениям, которые могут быть обнаружены, исходя из классификационной парадигмы, т.е. существуют в частных примерах.

Нелинейное прогнозирование выявляет новые парадигмы и последствия, которые в них возникнут (см. на рис. 9 и 10 схемы изменения возможных парадигм оценки гипотетических внешних угроз).

Россия-2020: оценка и анализ влияния внешних факторов и военных угроз (измененная парадигма)

Рис. 9

6 Стрельцов Д. Новая парадигма безопасности в Восточной Азии / URL: Портал МГИМО(У), 2014. 20 января / <http://www.mgimo.ru/>

7 Козин В. Эволюция противоракетной обороны США и позиция России. М.: РИСИ. 2013. С. 107–108.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

Россия-2030: стратегический многовариантный нелинейный прогноз (новые парадигмы)

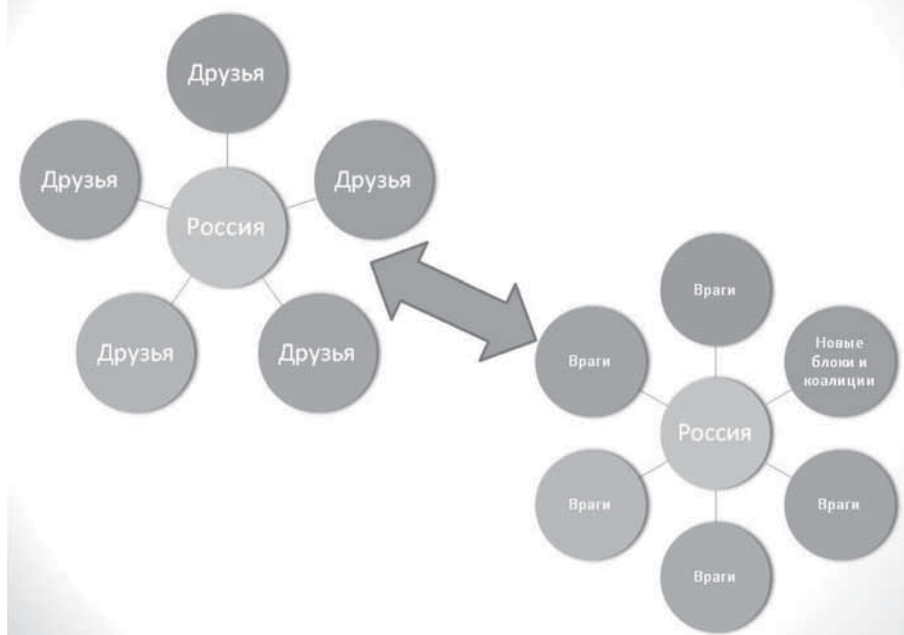

Рис. 10

Природа и методы перечисленных видов прогнозирования различны, однако, как представляется, они являются вполне совместимыми и могут взаимно дополнять друг друга.

Для линейного прогнозирования, как правило, достаточно использовать две типовые процедуры — «прямой экстраполяции» и «заполнения белых пятен», однако с международно-политической точки зрения, у этих методик существуют два крупных недостатка, которые необходимо обязательно учитывать.

Во-первых, быстрая динамика изменения ситуации, требующая постоянного мониторинга. Во-вторых, наличие огромного количества внешних факторов, которые необходимо обязательно учитывать.

И первое, и второе обстоятельства требуют большого объема аналитической и информационной работы.

Поскольку линейное прогнозирование воспринимается намного проще нелинейного, последнее нередко вообще исключают из рассмотрения, хотя возможности применения линейного прогнозирования достаточно ограничены.

Линейное прогнозирование (даже с предложенными вариантами), как показывает практика, не отражает объективных реальностей, а часто и не отвечает практическим потребностям. Классический пример — прогноз социально-экономического развития, сделанный Минэкономразвития в 2008 году, который, в конечном итоге, полностью не оправдался (см. таблицу 1).

В то же время при подготовке стратегического прогноза линейного прогнозирования и экстраполяции не избежать. Он фактически является частью анализа и оценки военно-политической и международной ситуации в мире. Видимо, с него неизбежно предстоит начинать и первый этап подготовки стратегического прогноза. При этом надо помнить, что линейное прогнозирование — это, по сути, самый очевидный, а поэтому самый распространенный вид прогнозирования. Он заключается

в прямом мысленном продолжении уже существующих, общепринятых тенденций и действующей парадигмы, хотя применительно к международным отношениям такой прогноз и наименее вероятен. За один год намерения и действия государств могут существенно меняться. Особенно, если в них происходят крупные социально-политические изменения. Сошлемся для примера на динамику развития событий в Сирии, Египте, КНДР, Турции и ряде других стран только за 2013 год, внесших существенные коррективы в общую картину прогнозов.

Таблица 1. Прогноз Минэкономразвития РФ⁸

	Инерционный	Энерго-сырьевой	Инновационный
ВВП			
Темп роста 2020 г. к 2007 г.	1,8 раза	2,1 раза	2,3 раза
на душу населения, по ППС, тыс. долл.	20	26	30
доля в мировом ВВП, %	3%	3,5%	4,3%
Инвестиции (2020 г. к 2007 г.)	2,4 раза	3,6 раза	4 раза
Норма накопления % ВВП	25%	30–31%	31–32%
Доля инвестиций в высокотехнологичный сектор в 2020 году	14%	15%	16%
Энергоемкость ВВП (2020 г. к 2007 г.)	70%	67%	59%
Доля нефтегазового сектора в 2020 году	13,2%	12,7%	11,1%
Доля сектора экономики знаний и высоких технологий в 2020 году	13,3%	16,9%	17,2%
Реальные доходы населения (2020 г. к 2007 г.)	2,1 раза	2,4 раза	2,6 раза
Бедность к 2020 году	7,9%	6,7%	6,2%

Линейное прогнозирование, как правило, не требует специальных механизмов для составления прогностических оценок, социально-политическая составляющая в нем минимальная. Для военно-политических прогнозов, наоборот, требуется постоянный мониторинг **всей системы** и использование дополнительных методов. Как минимум, учет экспертных оценок, которые должны носить оперативный характер.

⁸ Слайд из прогноза Минэкономразвития до 2020 года. Опубликовано в 2008 г. на официальном сайте Минэкономразвития / URL: <http://www.economy.gov.ru>

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

Сказанное означает, что необходимо и возможно создание многофакторной модели развития международной ситуации, в т.ч. в режиме on-line, которую можно поддерживать в текущем и постоянном режиме. Несекретные элементы этой модели могут быть опубликованы на открытом веб-сайте. На практике такая попытка предпринималась, например, на сайте «Евразийская оборона», где существует специальный ресурс, посвященный военным базам.

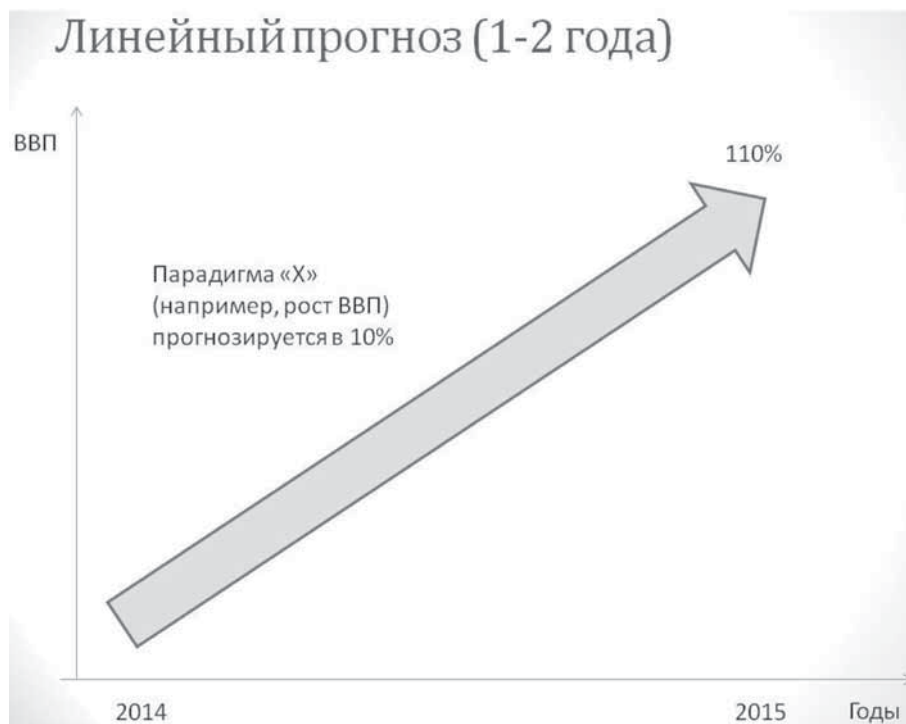

Рис. 11

Рис. 12

Отказаться от линейного прогнозирования невозможно. Оно требуется ежедневно на самых разных уровнях — в экономике — от микроэкономического до макроэкономического, в военной политике — от анализа решений до оценки ВиВТ (см. на рис. 11 схему линейного прогнозирования). Однако и недостатки его необходимо иметь в виду. Поэтому вполне обоснованно разрабатываются многочисленные методики, которые могут скомпенсировать недостатки линейных прогнозов, в частности, методика экспертных оценок или «краудсорсинга».

Классификационное прогнозирование (см. на рис. 12) — промежуточный вариант между линейным и нелинейным прогнозированиями, который может быть использован при анализе эволюции развития внешних и военных угроз. Особенно в среднесрочной перспективе. С одной стороны, это прогнозирование новых объектов и явлений, с другой стороны, прогноз осуществляется в рамках уже известной классификации и парадигмы.

Для долгосрочного прогнозирования неизбежно придется прибегнуть к методу нелинейного прогнозирования. Это прогнозирование предполагает замену парадигм или базовых элементов парадигмы. Такой прогноз, как правило, сложный, а в условиях метода проб и ошибок считается ненадежным, поэтому в среде прагматичной науки к нему относятся с опаской. Нелинейное прогнозирование имеет только качественную экспертную форму. Поэтому представленные ниже процедуры неизбежно несут на себе печать ретроспективности. Чтобы проверить, обладают ли эти процедуры возможностью заглянуть в будущее, для некоторых из них будут приведены прогнозы. Для нелинейного прогнозирования нужно использовать схему развития научных представлений и процедуры талантливое мышления. См. на рис. 13 схему нелинейного прогноза.

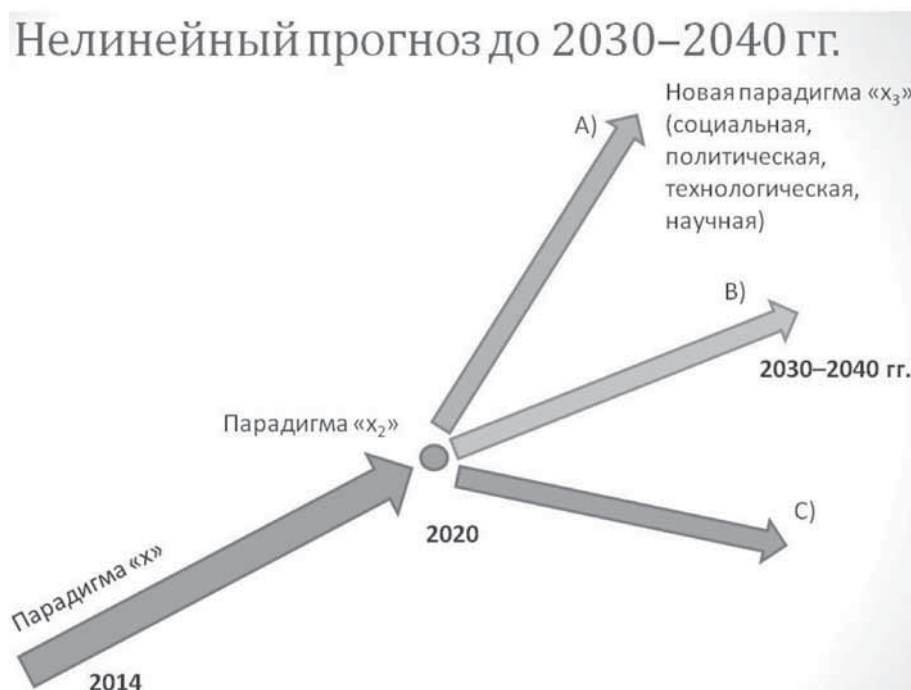

Рис. 13

Таким образом, для стратегического прогноза ключевым понятием выступает понятие «парадигма» — совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

Парадигма обеспечивает преемственность развития науки и научного творчества. При этом существующая (и не бесспорная в России) парадигма оценки международной ситуации требует постоянного уточнения, развития, а, главное — поиска новых парадигм.

Важно также понимать, что стратегический прогноз нужен не сам по себе, а как важнейшая часть стратегического планирования, которое должно привести к выбору наиболее эффективной стратегии. Эффективность стратегии, в свою очередь, определяется способностью достижения в кратчайшие сроки необходимых целей и задач при минимальных затратах ресурсов. Поэтому достоверность прогноза должна соотноситься со стратегическим планированием, и, в конечном счете, с национальной стратегией.

Иными словами, говоря о стратегическом прогнозе, следует понимать, что, в конечном итоге, «на выходе» должна быть сформулирована эффективная национальная стратегия, где задача противодействия внешним и военным угрозам является важной компонентой. Однако это — лишь одна из частей комплексного прогноза.

Этапы выработки комплексного прогноза, включая линейный, классификационный и нелинейный его компоненты, приведены на рис. 14.

Наконец, в целях верификации и уточнения сложившегося комплексного прогноза предлагается использовать контрольные методики «экспертных оценок», программно-целевой метод и некоторые количественные модели, которые могут создаваться в процессе исследования.

В частности, желательно проведение опроса ведущих специалистов в разных отраслях, но, прежде всего, специалистов-международников, которые смогли бы дать свои ответы на следующие вопросы.

- Насколько Россия должна увеличить свой общий военный потенциал, если она хочет поддерживать паритет с конкурирующими великими державами.
- Насколько при этом должна увеличиться доля военных расходов в ВВП.
- Насколько Россия должна увеличить свой экономико-технологический потенциал, если она хочет поддерживать военный паритет с конкурирующими великими державами.
- В какой мере Россия с учетом негативного демографического тренда должна увеличить свой индекс развития человеческого потенциала, если она хочет поддерживать военный паритет с конкурирующими великими державами.
- В какой мере Россия должна увеличить свой военный потенциал и потенциал в смежных сферах с целью нейтрализации локальных конфликтов и противодействия нетрадиционным угрозам безопасности (международный терроризм и религиозный экстремизм; миграционно-демографические угрозы; организованная преступность, особенно связанная с наркоторговлей; информационные и киберугрозы и т.д.).
- Насколько Россия должна увеличить свой потенциал стратегического сдерживания, включая ядерный, с целью избежать реальной возможности его преодоления (с учетом не только технологических аспектов, но и общей эволюции системы международных отношений).
- Каково может быть реальное (а не желаемое) соотношение, с одной стороны, военной, с другой стороны, экономической силы и «мягкой» силы России в обеспечении ее безопасности.

В этой связи предлагается провести работу в **три этапа**, применив все **три методики прогнозирования**, а также дополнительные методики.

На первом этапе дать анализ существующей ситуации в мире основных факторов, влияющих на военную безопасность России в широком контексте национальной безопасности и предложить краткосрочный прогноз до 2016 года, используя метод линейного прогнозирования. При этом важно учесть максимальное большое число внешнеполитических, технологических и военных факторов, а также доминирующие тенденции в самой России, попытаться сформулировать парадигму и создать общую модель.

На втором этапе, применив дополнительно методику классификационного прогнозирования, дать прогноз развития ситуации в мире до 2020 года. Причем как в отдельных регионах планеты, так и конкретных странах, учитывая проанализированные на первом этапе факторы и попытаться определить порождение новых тенденций.

На третьем этапе, используя методику нелинейного прогнозирования, предложить стратегический прогноз до 2030 года. Главное внимание в таком прогнозе предстоит сделать не только «продлению» периода классификационного прогноза, но и анализу вероятных будущих парадигм развития в мире и в России.

Рис. 14

- Каковы будут отношения России с соседями по постсоветскому пространству и ключевыми великими державами в будущем.
- Какова возможность сохранения стабильности в мире и сотрудничества в преодолении новых угроз за счет поддержания многовекторного баланса сил, экономи-

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

ческого сотрудничества, наличия системы международного права и эффективной работы международных организаций.

- В какие региональные конфликты Россия должна реально вмешаться, если они возникнут в ключевых для наших национальных интересов регионах мира (и должна, соответственно, планировать свой военный потенциал с учетом данного фактора).
- В каких из непосредственно прилегающих регионов мира могут представлять для России реальную опасность локальные конфликты.
- Какие из новых вызовов безопасности будут представлять для России максимальную угрозу и, соответственно, требуется планировать развитие военного потенциала с учетом данного фактора.

Соответствующая оценка должна проводиться на различные временные периоды, например: через 15 лет (на 2026 год), через 30 лет (на 2046 год), через 50 лет (на 2066 год).

При подготовке такой работы необходимо иметь в виду, что Россия со второго десятилетия XXI века вступила в новый период самоидентификации, одним из выражений чего станет переосмысление государственной политики в сфере национальной безопасности. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года зафиксировано: «В условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности»⁹.

В стратегическом прогнозе проблема будущих внешних и военных угроз рассматривается в широком военно-политическом и технико-экономическом контексте, при этом особый акцент сделан на развитии «национального человеческого капитал» (НЧК) и его институтов, опережающем развитии науки, образования и новейших технологий. В первую очередь речь идет о формировании той части идеологии и политической практики правящей элиты России, которая относится к военной доктрине и военной политике страны, евразийской интеграции и которая очень далека от своего совершенства, но неизбежно влияет на принятие военно-политических решений.

Как видно из схемы подхода к анализу политики, разработанной еще в 80-е годы прошлого века научной школой МГИМО (см. на рис. 15), на базовую систему — систему национальных ценностей и интересов (группа «А») непосредственное влияние оказывает группа факторов «Б» (ресурсы и возможности) и группа факторов «В» (внешнее влияние). На эту базовую систему ценностей оказывается и субъективное воздействие правящей элитой и обществом. Такое воздействие может быть как благотворным, правильным, так и вредным и даже извращенным. Поэтому в «чистом» виде эта базовая, «традиционная» группа факторов не существует: в зависимости от различных обстоятельств (наличие войны, угрозы, давления) и внутренней ситуации в стране (состояния национальных ресурсов, предательства элиты), национальная система ценностей и национальные интересы воспринимаются и интерпретируются

⁹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента России от 12 мая 2009 г. № 537 // URL: www.kremlin.ru

в политические цели в разное время по-разному, иногда очень субъективно, неточно, ошибочно, а подчас даже преступно. Так было, например, во второй половине 80-х гг. и в последнее десятилетие XX века. Эта тенденция — в силу разного рода обстоятельств — в полной мере не преодолена и в настоящее время.

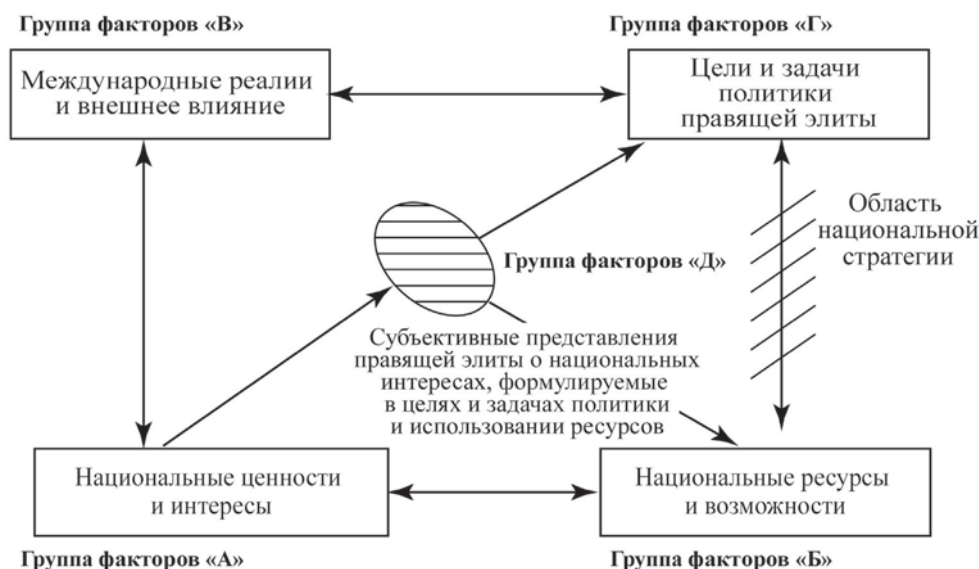

Рис. 15

Важно подчеркнуть и другое: область стратегии, которая охватывала цели, задачи и национальные ресурсы (вектор «Г»–«Б»), постепенно переносится на вектора «В–А» и «В–Д». Если воздействие на национальную идентичность усиливается, в том числе через «мягкую силу», что стало хорошо заметно и превратилось в политическую проблему, то воздействие на национальную элиту — относительно новое явление, которое в истории встречалось, но не носило массового характера. Другими словами, система национальных ценностей и национальные элиты (а не ее отдельные представители) **превратились в объект внешнего влияния со стороны отдельных государств и негосударственных субъектов**. Таким образом, новые формы приобретает взаимосвязь понятий «национальная безопасность» и «военная безопасность» (см. наш вариант трактовки этой взаимосвязи на рис. 16).

При подготовке прогноза влияние этих факторов нельзя недооценивать. Нередко в предыдущие годы это влияние оказывалось сильнее объективных тенденций и приводило к принятию неверных политических решений.

При этом необходимо подчеркнуть, что в последнее время, в частности, в 2012–2013 годы, проблема адекватной оценки значения системы национальных ценностей и интересов получила особое внимание со стороны общественности и правящей элиты. Результатом этого мировоззренческого сдвига стало пристальное внимание руководства страны, ОПК и Минобороны к отечественным фундаментальным исследованиям и НИОКР, а в целом — постепенный отход от либеральной концепции внешних технологических заимствований¹⁰, что имеет особенно важное значение в развитии военных технологий, ВиВТ.

10 См., например: *Рогозин Д.О.* Робот встанет под ружье // Российская газета, 2013. 22 ноября. С. 17.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

Взаимосвязь понятий «национальная безопасность» и «военная безопасность» (предлагаемый вариант)

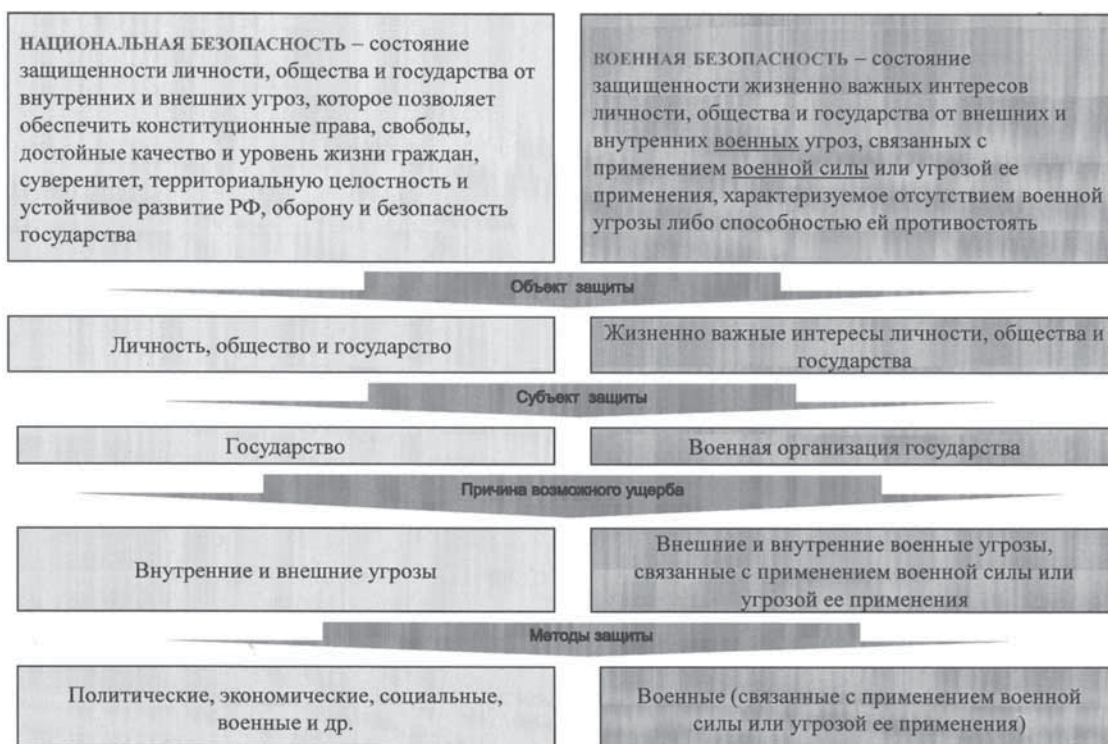

Рис. 16

Важно понимать, что основные вопросы военного строительства в современной России упираются в проблемы, связанные с формированием национальной идентичности и защитой национальной системы ценностей. Они приобрели во втором десятилетии XXI века **прикладное военно-политическое значение**, которое не всегда учитывается при формировании военной политики России по вполне понятным причинам: в компетенцию органов военного управления страной, а тем более военной промышленности, не входит оценка политических и мировоззренческих приоритетов высшего уровня. Более того, представители военной и военно-промышленной элиты России (а прежде — СССР) традиционно дистанцируются от таких оценок, даже на самом высоком уровне. В частности, когда речь идет о соотношении понятий «национальная» и «военная» безопасность.

Между тем при проведении мероприятий в области военной политики необходимо прежде всего исходить из оценок **ценностного порядка**. Оно, в частности, выражается в том, что:

А. Основные противоречия между государствами в мире **переносятся из области государственных противоречий** в область ценностную, межкультурную, что неизбежно отражается на их характере. Следует отметить, что это случалось и прежде, приобретая наиболее радикальную и длительную форму. Так, период войн XVII столетия невозможно понять без того, чтобы не проанализировать противоречия в Европе между католиками и протестантами, а также мусульманами и христианами, православными и католиками (что очень важно, например, при рассмотрении периода

«Смуты» в России). Соответственно, если прежде, как правило, влияние внешних факторов (и военных угроз) концентрировалось на целях и стратегии государств, то сегодня они все больше переносятся на системы национальных ценностей. По этой причине внешние и военные угрозы имеют уже не только антигосударственную, но и антинациональную (антиценностную) направленность. Если обратиться к рисунку 16, то оказывается, что вектор «В–Г» уменьшает, а вектор «В–А» усиливает свое значение.

Это имеет самое прямое отношение к анализу военных угроз и эволюции современной парадигмы международных отношений. Прежде всего, с точки зрения выбора **средств влияния** и ведения силовой борьбы, целью которых становится нация и ее система ценностей, а не только государство.

Б. Резко усилилось значение информационных средств. Влияние внешних факторов (прежде всего внешних угроз) на три основные группы факторов, формирующих политику государства, — политические цели и задачи (включая внешнеполитические), национальную элиту и национальную систему ценностей, самоидентификацию и национальные интересы — **перераспределяется** в пользу последних. Если до недавнего времени основные внешние угрозы вытекали из противоречий между национальными интересами (даже в период «холодной войны» идеологические, мировоззренческие противоречия уступали место прагматизму, что видно, например, на примере политики «разрядки» первой половины 70-х годов XX века), то во втором десятилетии XXI века основные противоречия и вытекающие из них **внешние угрозы стали смещаться в мировоззренческую, ценностную плоскость**. Не случайно, например, что приоритеты «защиты прав человека» и «демократической формы организации государства» стали во многом официальной внешнеполитической доктриной США и Евросоюза. Этим объясняется резко возросшее значение СМИ как информационного оружия, а также значение контроля над киберпространством. При этом речь идет о целом наборе как известных средств «психологической войны», так и о принципиально новых явлениях, которые в XXI веке превращаются в самостоятельную силу — «концептуальное» оружие, способность создавать ложные цели и ценности, новые информационные архитектуры, в т.ч. социальные сети и т.д.

Особо следует сказать о выборе **адекватной** стратегии (стратегий), число которых может быть достаточно большим.

В. Этот перенос влияния внешних факторов на продвижение чужой системы ценностей отражается на многих **конкретных** аспектах военной политики: экономической (навязывание идеи «заимствования технологий»); социальной (социальном моделировании); научно-технической (например, свертывание фундаментальной науки, НИОКР и национальных технологий); военной доктрины (внедрение чуждых, заведомо ложных концепций).

Военная доктрина России, также как и политика в целом, испытала на себе сильное влияние процесса внедрения чужой системы ценностей. Внешнее давление на военную доктрину России преследует цель разрушения ее ценностных основ. Главная ее особенность — вооруженная борьба — переносится из сферы борьбы политических интересов в группу ценностей, где военная сила стала рассматриваться уже не только в качестве традиционного инструмента государств, но и наций, даже цивилизаций. В частности, военная доктрина США и стран-членов НАТО стала ориентироваться не столько на «защиту» государственных (прагматических) интересов, сколько на

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

продвижение западно-либеральной системы ценностей, что нашло свое отражение в том числе в официальных заявлениях и документах.

Под влиянием этого процесса по-новому стали формироваться **военные угрозы**, оценка которых имеет принципиальное значение для военной доктрины России, ибо в зависимости от такой оценки в первую очередь будет формироваться военная политика нашей страны.

Прежде всего, целесообразно разделить группу факторов внешнего влияния, как минимум, на четыре подгруппы — международные реалии, собственно факторы внешнего влияния, внешние угрозы и военные угрозы, — внутри которых, естественно, существуют свои разделительные линии.

Таким образом, группа факторов «В» из рисунка 16 может быть сведена в матрицу, где степень влияния этих факторов (или угроз) может быть отражена более точно.

**Таблица 2. Группа факторов «В»
(Международные реалии, внешнее влияние и военные угрозы)**

Международные реалии	Объективные (например, развитие НТР)
	Субъективные (например, финансовая система)
Внешнее влияние	Очень сильное (страна находится в зависимости)
	Сильное (неполный суверенитет)
	Слабое (полный суверенитет)
Внешняя угроза	Потенциальная (например, КНР–Индия)
	Реальная (КНДР–РК)
Военная угроза	Скрытая («подсознательная»)
	Явная (декларируемая)
	Прямая (военные операции, война)

Конечно, это условное деление можно и нужно детализировать по отношению к ведущим странам мира, но даже такая простая матрица по отношению к двум сотням государств и тысячам негосударственным субъектов требует огромной фактологической работы для начального этапа анализа. Так, оценка действий только 1000 «игроков» по 10 критериям означает описание 10 000 сюжетов, а ведь это только часть от всех участников международных отношений. При этом понятно, что нас больше всего интересует точное и полное описание именно военных угроз, хотя без оценки влияния других внешних факторов такая работа бессмысленна.

Для количественной оценки влияния этих факторов и возможной машинной обработки их можно в свою очередь разделить на 5 степеней. Например, «скрытая военная угроза» может быть оценена по шкале от 1 до 5.

Еще сложнее обстоят дела с выбором стратегий в отношении тех или иных внешних игроков или факторов (см. ниже на рис 17). Если численность международных субъектов исчисляется десятками тысяч, то можно предположить, что по отношению к каждому международному субъекту будет выбрана не одна, а несколько стратегий

(как показывает опыт, иногда даже взаимоисключающих) — от двух–трех до гораздо больших чисел. Теория игр предусматривает и подобные варианты.

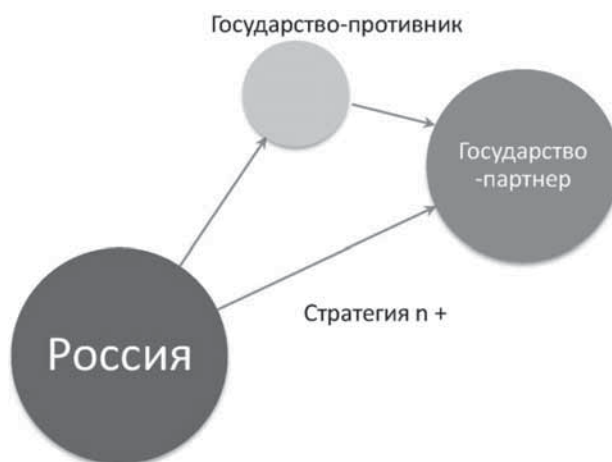

Рис. 17

Это возможно и в том случае, когда стратегии не предусматривают прямых действий (как на рисунке 17), а предполагают различные варианты. Что, кстати, очень часто случается в международных отношениях и, более того, скорее является правилом.

Кроме того, очень важно подойти к анализу этого процесса с точки зрения его качества. Речь идет о таких объективных характеристиках этих оценок, как: своевременность; адекватность; способность прогнозировать их эволюцию.

Это означает, что матрица должна быть не статична, а привязана ко времени и, что важно, к качеству анализа и принятия решений. Иными словами, матрица должна быть конкретно датирована (например, 1-ый квартал 2014 года, или 2015 год, или 2020 год), а также сопровождаться постоянным мониторингом экспертов и своевременной информацией для лиц, принимающих решения.

Эти характеристики имеют в современный период весьма важное значение. Так, «своевременность» точной оценки внешней угрозы означает, что запоздалая (как, например, игнорирование информационного этапа военно-технической революции в СССР в 1970–1980-е годы) оценка угрозы приведет к отставанию в научно-технологической области, например, в создании элементной базы микроэлектроники или в развитии беспилотных летательных аппаратов.

Очень важен критерий «адекватности», который означает соблюдение принципа «стоимость/эффективность». Так, невозможно разрабатывать все без исключения направления научно-технического прогресса, с одной стороны, но невозможно и игнорировать его важнейшие направления, с другой.

Наконец, очень существенное значение имеет правильная оценка наличия национальных ресурсов в виде тех объемов, которые необходимо выделять для обеспечения защиты от внешних угроз. Эта проблема имеет огромное политическое значение, так как недооценка угроз также опасна, как и их переоценка: недооценка ведет к нарушению способности защитить свою безопасность, а переоценка — к милитаризации экономики и общества, торможению социально-экономического развития.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

При решении этой проблемы нельзя исходить из «простых» решений, хотя всегда есть соблазн ограничить, например, военные расходы 1% ВВП (как в Европе и Японии), либо порядка 4% ВВП, как в России. Думается, что важнее предложить варианты новой структуры военных расходов. Так, например, финансирование технологий двойного назначения может быть отнесено к военному бюджету, но вполне допустимо и для гражданских отраслей.

Особенно важное значение этот подход имеет к финансированию НЧК, который прямо отражается как на качестве личного состава ВС, так и на качестве ВиВТ, а также государственного, местного и общественного управления. Финансирование науки и образования, например, не только обеспечивает опережающие темпы роста экономики, но и является лучшей инвестицией в боевую эффективность.

Отдельно следует сказать о том, что структуру военного бюджета страны следует переориентировать на долгосрочные цели, что должно проявиться, прежде всего, в увеличении финансирования в пользу отдельных наиболее приоритетных родов и видов Вооруженных Сил, исходя именно из прогноза вероятных угроз в стратегической перспективе.

Наконец, принципиально важно прогнозировать основные направления возможной эволюции политических угроз, хотя именно **политические угрозы** и являются наиболее трудным объектом для анализа. Это вытекает из такого простого признания, что **намерения** правящих элит могут меняться очень быстро, иногда на прямо противоположные, но **возможности**, в том числе военные, меняются значительно медленнее. Так, если в 1939 году Великобритания готовилась к интервенции против СССР (в поддержку Финляндии), то в 1941 году — она стала его военным союзником, а затем в годы «холодной войны» вновь стала его противником. Поэтому, прогнозируя угрозы, необходимо опираться, прежде всего, на оценку потенциальных возможностей, а не намерения правящих элит. Причем не только военных или технологических возможностей, но и возможностей, определяющих сегодня мощь государства, — например, качество «национального человеческого капитала» (НЧК) и его институтов. Есть основания полагать, что оценка НЧК является наиболее достоверным критерием оценки возможных будущих угроз. Именно на основе анализа таких возможностей, измеряемых, прежде всего, соотношением НЧК противоборствующих сторон, должны будут формироваться в будущем: военная доктрина России; программа военного строительства; эволюция военного искусства; развитие военной организации государства.

Причем, все эти процессы эволюции возможностей НЧК имеют долгосрочный, и, главное, предсказуемый характер, нацелены на стратегическую перспективу, с одной стороны, и представляют собой основу для анализа, имеющего военно-политическое практическое значение, с другой.

Отдельная тема — оформление подготовки и принятия важнейших военно-политических решений. Главная цель — избежать субъективности, непоследовательности и некомпетентности, когда каждый новый руководитель существенно, а то и фундаментально перекраивает всю военную политику и военную организацию государства. В этом случае любые, даже самые точные прогнозы и рекомендации — бессмысленны. Чтобы избежать подобной ситуации, важно максимально высоко поднять уровень принятия важнейших военно-политических решений. Лучше всего — на уровень специального политического органа, подчиненного только Президенту РФ, например, Государственного комитета обороны (или его аналога), созданного в мирное время.

Необходимо учитывать, что переход противоборства из сферы межгосударственных в межнациональную, межкультурную форму ставит совершенно по-иному проблему роли собственно военной силы, сокращая объемы и способы ее прямого использования в пользу невоенных силовых методов. Это можно отобразить на рисунке 18. Из него следует, что невоенные силовые методы начинают превалировать с появлением ОМУ, а тем более с достижением военно-стратегического паритета. После ликвидации СССР и ОВД стремление использовать силовые методы вновь усилилось, однако даже на этом фоне невоенные силовые методы остаются доминирующими.

**Соотношение военных и невоенных
силовых способов во внешней политике**

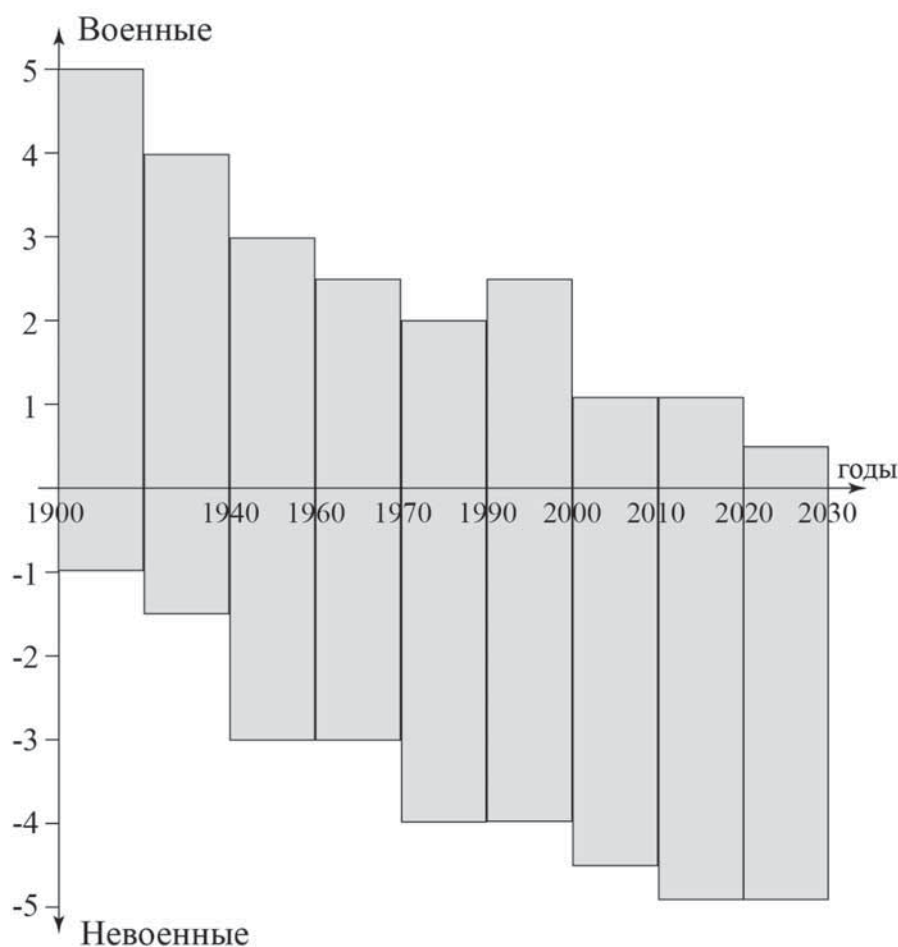

Рис. 18

Если признать, что конечной политической целью войны становится навязывание своей системы ценностей (а не захват территории, как прежде), то очевидна эволюция развития силовых средств в пользу невоенных средств насилия, т.е. «мягкой силы»: информационных; психологических; общественных и т.д.

Некоторые российские исследователи приводят, например, следующий набор таких мер, сочетающихся с формальными операциями по «стабилизации», в том числе, даже и с мандатом ООН (см. рис. 19).

Результаты операций по «стабилизации» для страны – жертвы агрессии

- Крах всех электронных систем страны
- Крах финансовой системы страны
- Крах энергетической системы страны
- Крах системы управления государством
- Крах системы электроснабжения населения и экономики
- Вывод из строя системы жизнеобеспечения государства
- Вывод из строя государственно-образующих объектов экономики
- Активизация деятельности повстанцев (вооруженной оппозиции)
- Массовые антиправительственные выступления населения
- Высокая вероятность возникновения гражданской войны
- Вывод из строя ключевых объектов транспортной инфраструктуры
- Голод и эпидемии, деградация системы здравоохранения страны
- Разгул уголовной преступности, насилия и бандитизма
- Хаос в социально-экономической сфере
- Поражение сознания населения и нагнетание паники
- Действия сил специальных операций вооруженных сил
- Спорадические военные операции классического типа

Рис. 19

Требует особого внимания и появление «полувоенных», военно-политических силовых средств, имеющих промежуточное значение. Их пока нельзя назвать военными, но уже нельзя квалифицировать как только невоенные силовые средства. Речь идет, например, о средствах специальных идеологических и киберопераций, способности нарушать систему государственного и общественного управления, воздействовать на сетевые сообщества, коммуникации, нарушать системы общественных связей.

Происходит, таким образом, вытеснение традиционных военно-силовых средств вооруженной борьбы новыми, «контрценностными», имеющими **силовое**, в т.ч. военное значение, но не относящихся сегодня к средствам вооруженной борьбы. Речь идет о навязывании нам чужих представлений, образов, штампов, норм поведения (в том числе в области безопасности), концепций, не отвечающих национальным интересам России. Эта тенденция соответствует общему глобальному тренду изменения соотношения военных и невоенных угроз, военных и невоенных методов борьбы между государствами. Этому соответствует и приведенная ниже на рис. 20 новая «шкала» современных конфликтов, где войны традиционного типа отнюдь не доминируют.

Зачастую невоенные угрозы могут полностью заменить военные средства вооруженной борьбы, что, например, проявилось на рубеже 2013–2014 годов в виде попытки ведущих стран НАТО заменить военно-политическое руководство на Украине путем информационного давления на него, оказания солидной финансовой поддержки наиболее радикальной части украинской оппозиции (по некоторым экспертным оценкам, только США выделили на эти цели до 5 млрд долл.), а также мощного морально-политического содействия ей путем специально сделанных публичных заявлений, направления эмиссаров высокого ранга, приглашения лидеров оппозиционных сил «для бесед» и т.д.

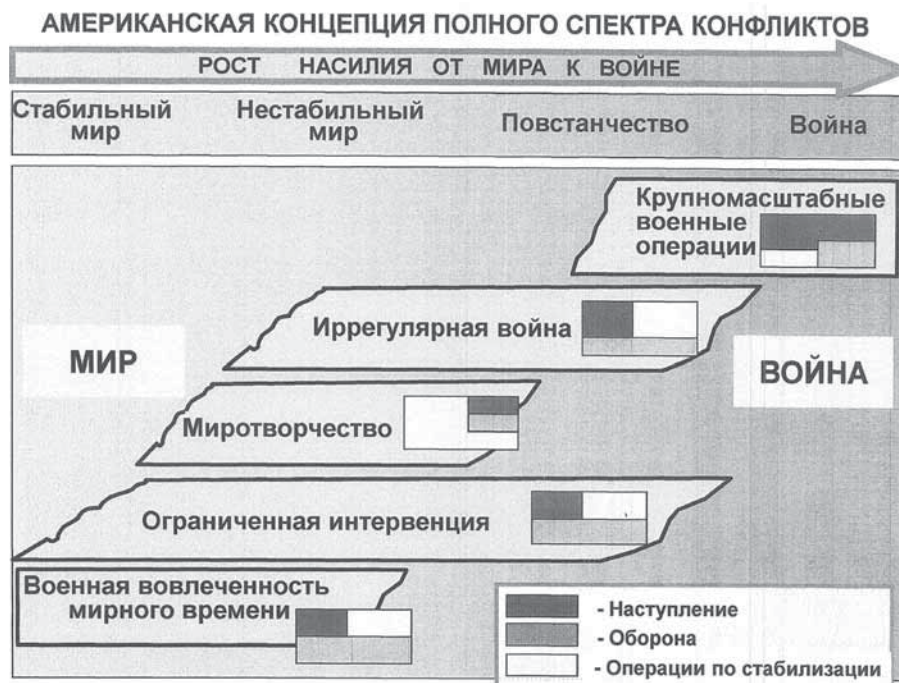

Рис. 20

Рис. 21

Другими словами, традиционный подход к оценке и эволюции военных угроз, тем более в его упрощенном «танково-сухопутном» варианте, требует серьезного пересмотра. Будущие угрозы, вероятнее всего, будут соответствовать новым парадигмам развития человечества и военного дела. В этой связи анализ взаимосвязи системы национальных ценностей и военного строительства имеет ключевое значение для понимания способности России нейтрализовать внешние угрозы. Разделение

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

деятельности войск (сил) против отдельных государств и даже на отдельных ТВД уже фактически произошло. Схематично это представлено на рис. 21, где отражены различные боевые и небоевые виды деятельности.

При этом возникает принципиальный вопрос о том, кто в стране, какая структура ее военной организации должны заниматься нейтрализацией этих угроз?

Авторы считают, что эффективное военное строительство, включая гособоронзаказ (ГОЗ), возможно только на основе сохранения и опережающего развития национальной системы научных и технологических школ, на базе которых нужно развивать военное строительство и иметь в виду при формировании ГОЗ, тем более на долгосрочную перспективу в 30–50 лет и даже далее — на том основании, что, например, Соединенные Штаты активно занимаются такими долгосрочными прогнозами и долгосрочным планированием, что было бы неправильным сбрасывать со счетов.

Этот вывод также справедлив ко всей национальной политике «модернизации и инноваций» и означает, что рациональная промышленная, а тем более инновационная политика имеет перспективы только при условии опережающего развития национальной фундаментальной науки, НИОКР, образования и технологий.

Кроме того, важно понимать необходимость опережающего развития гражданских технологических отраслей и технологий двойного назначения, создающих фундамент для будущих систем ВиВТ, созидательного формирования национальных институтов развития и бережного отношения к уже существующим. Что касается военной организации государства, то требуются сознательные и серьезные усилия по воссозданию научных школ в НИИ, академиях и на предприятиях. Причем, делать это целесообразно в тесной кооперации с гражданскими ведомствами.

Графически, на следующем рисунке (см. рис. 22) может быть отображена взаимозависимость эффективности ВС страны и основные факторы, определяющие будущие национальные силовые возможности России.

Рис. 22

Как видно на приведенной выше схеме (заведомо упрощенной), эффективность ВС России будет в долгосрочной перспективе зависеть главным образом от 3-х групп ключевых факторов:

Во-первых, качества личного состава, которое определяется, прежде всего, его профессиональной подготовкой и личным человеческим капиталом (уровнем культуры, образованием, состоянием морали и нравственности, творческими способностями и т.д.).

Во-вторых, эффективностью ВиВТ, которая определяется уровнем развития науки; технологий; промышленной базы; модернизационным ресурсом.

В-третьих, эффективностью институтов государства и управления ВС, в частности, уровнем военного искусства, способностью быстрее, чем в других странах, развивать управленческие навыки. При этом следует особо указать на новое качество воинских коллективов, их способность творчески решать поставленные задачи, максимально использовать существующий человеческий потенциал.

Степень опасности внешних и военных угроз будет определяться не только внешними, но и внутренними факторами. Прежде всего тем, насколько они могут быть нейтрализованы собственными ресурсами, среди которых важнейшая роль будет принадлежать «национальному человеческому капиталу» в военной области. В этой связи важно констатировать прямую взаимосвязь между НЧК в военной области, **качеством личности военнослужащего** и системой национальных ценностей.

Сегодня боевая эффективность во все большей степени определяется качеством личного состава. Причем это качество становится все **дороже** для государства (подготовка летчика, например, стоит от 2–3 до 10–15 млн долл.) и носит индивидуальный, «штучный» характер. Так, пилотов палубной авиации в России меньше, чем космонавтов, а строительство авианосных ударных группировок зависит не только от выделения огромных средств, но и от того, **кто** будет управлять летательными аппаратами.

Личностный потенциал военнослужащего, что вполне очевидно для авторов доклада, в перспективе будет во все большей степени определяться качеством национальной системы ценностей. Речь, прежде всего, идет о следующем: общем культурном уровне, способности охватить различные области современных знаний (например, физику, математику, биологию, информатику и т.д.); духовностью, нравственностью личности, ее способностью ставить интересы нации, общества и государства выше личных; образовательным и научным потенциалом, формирующимся как на национальной основе, так и с учетом мирового опыта; качеством промышленного и технологического потенциала нации.

Сегодня в основном в России этот потенциал находится на уровне 4–5 этапов, хотя требуется закладывать основы уже для 6-го технологического уклада. Технологический уклад означает совокупность сопряженных производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно. Четвёртый технологический уклад (1930–1970) характеризовался широким внедрением двигателей внутреннего сгорания, конвейерного производства, проводной телефонной связи. Отраслевое «ядро» уклада составляли автомобилестроение, самолётостроение и нефтехимия. Пятый технологический уклад (1970–2010) опирался на достижения в области микроэлектроники, информатики, биотехнологии, генной инженерии, новых видов энергии, материалов, освоения космического пространства, спутниковой связи.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

Его отраслевое «ядро» составили электронная промышленность, вычислительная техника, оптико-волоконная техника, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение, производство и переработка газа, информационные технологии. Наконец, с 2010 г. возник шестой технологический уклад. Он основан на нанoeлектронике, молекулярной и нанофотонике, наноматериалах и наноструктурированных покрытиях, нанобиотехнологиях и наносистемной технике. Если в США доля промышленности 4-го техноуклада составляет до 20%, 5-го — до 60 и 6-го — 5%, то в России доля промышленности, пребывающей на уровне до 4-го техноуклада — до 30%, 4-го техноуклада — 50%, 5-го — 10 %, а 6-го — чуть больше 0 %¹¹. С учетом того, что новые военные технологии, активно внедряемые США, относятся к 6-му технологическому укладу, отставание России с точки зрения его внедрения — вызов нашей национальной безопасности.

Отдельно следует сказать, что способность противодействовать внешним и военным угрозам будет во все большей степени зависеть от качества (в широком понимании этого слова) национальной элиты и ее готовности последовательно отстаивать национальные интересы России. При этом важно учитывать, что элита в значительной, если не в решающей, степени формулирует политические и иные цели и задачи, стоящие перед нацией и государством. Она распределяет национальные ресурсы. При этом речь в настоящее время, как правило, идет о распределении только финансовых ресурсов, во многом незадействованными остаются культурные, интеллектуальные и духовные ресурсы нации. Существенно и то, что элита в определенной степени влияет и на международные реалии, и на эволюцию вызовов и угроз в мире, а также может оказывать позитивное, либо негативное воздействие на систему национальных ценностей и интересов.

Именно поэтому особое значение для будущего России будет иметь **качество** национальной элиты, ее способность адекватно воспринимать все группы важнейших факторов. Это же, в свою очередь, определяется целым рядом критериев, среди которых особо можно выделить следующие: **профессионализм** элиты, ее подготовленность к решению общенациональных задач, опыт и результативность деятельности, оцененной обществом; **образование**, полученное в лучших учебных заведениях России и мира, дополненное необходимыми специальными знаниями; **нравственность**, которая определяется, прежде всего, преданностью нации и государству, готовностью служить их интересам; **способность к стратегическому прогнозу** и стратегическому планированию, предвидению последствий своих действий и т.д.¹².

Сказанное имеет прямое отношение к оценке и анализу ситуации в мире, а тем более ее прогнозированию. И первое, и второе требуют не только высококвалифицированных экспертов (которых остается все меньше), но и высококвалифицированного военно-политического руководства, способного адекватно понимать поставленные задачи и принимать обдуманные и выверенные решения.

Пока же очевидно, что на уровне принятия и исполнения решений почти всё замыкается на Президента России, который вынужден был признать, что «добиться цели

¹¹ Каблов Е. Шестой технологический уклад // *Наука и жизнь* : журнал. М., 2010. № 4.

¹² См. подробнее: Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал ТТ. I–III. М.: МГИМО(У). 2011–2013 гг.

можно подчас только на уровне или с уровня президента»¹³. Это признание означает, что система государственного (в т.ч. военно-политического) управления малоэффективна и нуждается в замене или, по крайней мере, серьезной модернизации. Только организационных мер здесь явно недостаточно. Нужны меры политико-идеологического характера, способные обеспечить реализацию стратегического курса национального развития и принятие вытекающих из этого курса конкретных решений.

При этом очень важно принять правильную модель управления человеческими ресурсами, которая сегодня не способствует творческому и ответственному подходу. В этой связи целесообразно внимательно изучить полезный зарубежный опыт. Так, в результате проведенных исследований американские специалисты определили следующие основные стратегические подходы к управлению людьми в компании, а шире — в целом человеческим коллективом: **управление человеческими ресурсами** — ориентация на людей с акцентом на максимальное использование их таланта, повышение качества жизни; **патернализм** — осторожный отбор персонала, обучение и забота со строгой ориентацией на клиента; **профессиональная модель** — ориентация на профессионализм (отбор, обучение, оплата, юридический контракт) и **продуктовая модель** — ориентация на производительность, жесткие трудовые отношения¹⁴.

Пока что в России можно говорить о том, что управление человеческими ресурсами идет не по первому, наиболее эффективному, сценарию, а по второму — «патернализм» и, отчасти, четвертому — «продуктовая модель» сценариям. Это означает, что значительные национальные ресурсы практически исключены из развития и управления, что неизбежно отражается на эффективности общества, а в нашем случае — и вооруженных сил.

Если вернуться к схеме на рис. 15, то в зависимости от трех групп обстоятельств («А», «Б», «В») и качества элиты (группа «Д») формируются (или нет) адекватные цели и задачи политики, в т.ч. военной, включая национальную военную доктрину как систему взглядов на использование военной силы. При этом особое значение имеет адекватная оценка не только целей и задач, но и национальных ресурсов и возможностей (группа «Б»), которые должны соотноситься с поставленными целями и задачами. И эта область — особенная ответственность элиты. Их переоценка или недооценка имеет огромное, иногда катастрофическое значение, особенно в военно-политической области. Поэтому в комплексном стратегическом прогнозе будущих угроз безопасности России должны быть предусмотрены различные варианты использования национальных ресурсов, которые условно можно разделить, как минимум, на три подхода.

Первый, когда на цели обороны используется порядка 1% ВВП, как в целом ряде стран Европы, Японии и некоторых других государствах.

Второй, когда на цели обороны уходит до 4% ВВП.

Третий, когда расходы на оборону превышают 4%.

В соответствии с таким приоритетом можно проводить расчеты и в военном планировании, полагая, что темпы роста ВВП страны до 2020 года будут колебаться от 3% до 5%.

¹³ Самарина А. Апология Путина // Независимая газета. 2014. 20 января. С. 1.

¹⁴ Щегорцов В., Таран В. и др. Антикризисное управление человеческими ресурсами. М.: «Новости», 2010. С. 337.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

В то же время в прогнозируемый период можно предусмотреть и четвертый вариант, при котором значительные средства (например, до 8% ВВП) будут формально выделяться на оборону, а в действительности — на развитие НЧК и новейших технологий двойного назначения.

В настоящее время военные расходы многих развитых стран колеблются в диапазоне от 1% до 4% ВВП страны. В XX веке существовало мнение, что превышение порога в 8% ВВП неизбежно ведет к милитаризации экономики и последующей стагнации, хотя в некоторые предвоенные периоды, например, в СССР и Германии, этот показатель превышал 30%. В XXI веке большинство экспертов считает, что недопустимо превышение доли военных расходов в 4% (у современной России — 3,9%). Большинство стран СНГ, а также почти все европейские государства имеют уровень военных расходов в пределах 1%. Более того, к 2014 году военные расходы, к примеру, Великобритании сократились за несколько лет на 8%, а к 2020 году личный состав вооруженных сил будет сокращен со 178 тыс. до 147 тыс. человек (с одновременным увеличением количества резервистов), т.е. почти на 20%¹⁵. Разумеется, с учетом огромной территории России и стоящих перед ней угроз безопасности автоматическое перенесение описанного выше опыта невозможно, но и не принимать его во внимание нельзя.

Важно предусмотреть в прогнозе наличие двух тенденций. Во-первых, увеличение цикла НИОКР, производства и службы ВиВТ, а, во-вторых, их значительное удорожание. Если в 40-е годы прошлого века системы ВиВТ менялись за 3–5 лет, в 60-е годы — за 10–15 лет, то сейчас некоторые системы ВиВТ служат по 30–40 лет, а в будущем будут служить до полувека (например, БРПЛ СНВ США «Трайидент-2» еще 42 года, а ПЛАРБ класса «Огайо» — все 50 лет).

Стремительно (на порядки, в десятки раз) растет **стоимость ВиВТ**. Это означает, что адекватная оценка угрозы и формулирование четкой и своевременной задачи перед новыми видами и системами ВиВТ, а также выделение необходимых ресурсов являются наиболее важными этапами в формировании политики и военной доктрины государства. Недооценка будущей угрозы может стать реальностью, скажем, через 15–20 лет, когда уже будет крайне сложно что-то поменять.

Как показывает история эволюции российского ОПК последних десятилетий, сегодня **главная проблема** заключается в том, что национальный человеческий капитал (НЧК) России в наибольшей степени пострадал от ошибок правящей элиты: нехватка конструкторов и ИТР составляет 20–30%, а профессиональных рабочих — 40–50%. Изменить ситуацию может только радикальная смена политики в отношении НЧК.

В этой связи уже сегодня является принципиально важным определить основные направления и приоритетные рода и виды Вооруженных Сил, ибо все направления и все рода и виды ВС одновременно, одинаково интенсивно развивать невозможно.

Перечень родов и видов Вооруженных Сил, как и других органов Военной организации страны, должен быть составлен в приоритетном порядке. Такая приоритетность позволяет сконцентрировать национальные ресурсы на наиболее важных направлениях, которые определяются не личными предпочтениями военного руководства, а развитием международной ситуации и вытекающих из этих тенденций внешних и военных угроз, а также возможностей страны.

¹⁵ Цит. по: Великобритания больше не полноценный военный партнер США — Роберт Гейтс / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2014. 19 января / URL: <http://eurasian-defence.ru>

В этой связи особое значение приобретает проблема анализа перспектив развития не только систем ВиВТ, но и родов и видов ВС, прежде всего ВКО, которые в перспективе могут стать наиболее важным военным инструментом внешней политики, от которого непосредственно будет зависеть возможность государства сохранить свой суверенитет и национальную идентичность. Представляется важным одновременно усилить потенциал ПРО России. В этой связи проблема создания российского ВКО ставит в более широком контексте задачу формирования единого наступательно-оборонительного-информационного потенциала сдерживания. Эта проблема требует детального обсуждения. Представляется, что в XXI веке уже стало фактом появление нового единого ТВД — воздушно-космического и противоракетного, который не может быть разделен ни территориально, ни по видам, ни по родам Вооруженных Сил РФ.

Пока же такое разделение существует как с точки зрения военной доктрины и военного искусства, так и с точки зрения военного строительства России, то, по мнению части экспертов, не остается ничего другого, кроме как качественно совершенствовать потенциал своих СЯС, придав им способность надежного преодоления создаваемой американцами глобальной системы ПРО. Это, согласно данной школе научной мысли, — наименее затратный, а главное — наиболее эффективный асимметричный ответ на развертывание противоракетной инфраструктуры США. Наличие вполне надежного «оборонительного» ядерного щита является при этом своеобразным страховым полисом от прямых военных угроз большого масштаба.

Однако это вовсе не означает, что России не следует совершенствовать свою воздушно-космическую оборону. В этом контексте можно выстроить следующую шкалу приоритетов.

Задача **первой очереди** — обеспечение надежного противовоздушного и противоракетного прикрытия боевых порядков СЯС России с целью повышения их боевой устойчивости.

Задача **второй очереди** — совершенствование и наращивание противовоздушной и противоракетной защиты группировок Вооруженных Сил, которые предназначены для действий на возможных ТВД.

Задача **третьей очереди** — при наличии оставшихся ресурсов усилия должны быть направлены на противовоздушную и противоракетную защиту других важнейших объектов государства: административно-политических и крупных промышленных центров, жизненно важной инфраструктуры.

В-четвертых, можно было бы подумать о целесообразности развертывания российской системы ПРО, например, корабельной, у берегов США для возможного перехвата американских МБР и БРПЛ на начальных траекториях их полета.

В рамках данной парадигмы возможны и другие решения.

Предлагаемое ранжирование в решении задач ВКО и ПРО позволит при приемлемых затратах ресурсов создать в России в обозримой перспективе систему противовоздушной и противоракетной обороны, которая в совокупности с потенциалом ядерного сдерживания будет способна предотвратить крупномасштабную агрессию¹⁶.

¹⁶ Есин В., Фаличев О., Андреев Д. «Сармат» заменит «Воеводу» / Эл. ресурс: «ВПК». 2013. 4 сентября / URL: <http://vpk-news.ru/articles/17289>

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

В то же время необходимо констатировать, что этот подход в целом является несколько зауженным, не отражающим в полной мере современных реалий, а тем более — будущих угроз и вызовов для безопасности нашей страны. Прежде всего потому, что объектами нападения с помощью неядерных средств ВКО, как показывает практика, будут центры политического и военного управления и связи, а также средства ВКО. Именно эти цели стали первоочередными в ходе военных операций США и их союзников в Югославии, Ираке и Ливии. Отвечать же на любые акты агрессии угрозой задействования стратегического ядерного потенциала означает его заведомую дискредитацию как средства ответного уничтожающего удара. Это было бы очевидным пережитком эпохи «холодной войны». Тем более, если речь идет о защите союзников, партнеров или парировании иных угроз. Опора на использование исключительно СЯС при любой серьезной угрозе приведет к тому, что исчезнет не только «гибкость» использования военной силы, но и реалистичность ответных мер. Но, главное, будут ограничены целые направления военного строительства и сформулированы неверные положения военного искусства.

Другой военно-политический приоритет — интеграция в Евразии, а в более широком контексте — создание военно-политической коалиции на континенте во главе с Россией. Быстрое изменение соотношения сил в мире делает проблему обеспечения безопасности в Евразии ключевой. Так, например, во внешней торговле РФ первое место в 2013 году занимал Китай (83,5 млрд долл.), второе место Германия (71,8 млрд долл.), третье — Нидерланды (68,5 млрд долл.) и лишь четвертое Украина¹⁷. Этот процесс сопровождается радикальными изменениями в вооружениях и военной технике (ВиВТ), а также в концепциях их использования. Достаточно сказать, что в АТР за первое десятилетие XXI века военные расходы выросли на 100%. На первую роль выходят новые способы применения военной силы для достижения внешнеполитических целей, прежде всего высокоточное оружие (ВТО) в авиационно-космических ударах и средства борьбы с ними (ВКО). Проблемы безопасности, суверенитета и сохранения контроля над транспортными коридорами и ресурсами с помощью военных средств в этой связи становятся жизненно важными. В этих условиях идея создания евразийской обороны, прежде всего в области ВКО, может иметь решающее внешнеполитическое, военное и научно-техническое значение. Особенно, если иметь в виду, что классическая гонка вооружений превратилась в соревнование гражданских и военных технологий. Как совершенно справедливо в этой связи отмечалось в докладе РАН, «видение будущего — 2030 опирается на понимание ключевых тенденций глобального технологического развития. При этом конкретные инновации на таком временном горизонте по своей природе непредсказуемы, множественны и не поддаются административному целеуказанию. Научно-технологическое прогнозирование предполагает, во-первых, определение и непрерывный экспертный мониторинг наиболее вероятных областей притяжения творческой энергии, инвестиций и последующих изменений в отраслевой структуре экономики. Методы этих оценок разнообразны и для надежности выводов требуется их комплексное применение. Во-вторых, научно-технологическое прогнозирование — это необходимая стадия процесса

¹⁷ Маркелов Р. От Лиссабона до Владивостока // Российская газета, 2013. 25 ноября. С. 6.

стратегического управления развитием страны в целом. Как и другие звенья системы управления, эта функция должна быть не только институционализована, но и поддержана надлежащим технологическим базисом»¹⁸.

Следует также создать постоянно действующую структуру по подготовке стратегического анализа и стратегических прогнозов в виде трехзвенной схемы.

Первое. **Все силовые министерства и ведомства Российской Федерации должны иметь подразделения долговременной стратегической аналитики** в рамках существующего кадрового состава, которые должны периодически информировать руководство страны о среднесрочных и долгосрочных прогнозах развития мировой и региональной, а также в области своего профессионального интереса ситуации в соответствии с профилем своей функциональной деятельности. Подобная работа также может быть заказана профильным ВУЗам или научным центрам.

Второе. Следующим звеном могла бы стать компактная (до 10–15 человек) **Межведомственная рабочая группа стратегической аналитики и прогнозов в военно-политической области**, например, под эгидой Министерства обороны Российской Федерации, **вводимая в действие президентским указом**. Ее миссия состояла бы в подготовке специальных межведомственных аналитических и прогностических материалов стратегического назначения.

Третье. Высшим звеном мог бы быть **Центр стратегической аналитики и прогнозов в сфере национальной безопасности** при Администрации Президента Российской Федерации или в рамках Совета безопасности Российской Федерации. Этот центр мог бы включать до 10 высокопрофессиональных аналитиков, которые бы подчинялись, соответственно, **советнику Президента по вопросам стратегической аналитики и прогнозирования (в первом случае) или Секретарю названного Совета**.

Все три обозначенные структуры могли бы быть сформированы без привлечения дополнительных бюджетных ассигнований, то есть в рамках существующего штатного расписания.

Представляется, что упомянутые в этом списке две последние структуры (Межведомственная рабочая группа и Центр стратегической аналитики и прогнозов) могли бы готовить два раза в год перспективные стратегические аналитические доклады для руководства заинтересованных министерств и ведомств, а также для военно-политического руководства страны, а по мере необходимости — специализированные доклады по отдельным направлениям — в зависимости от развития военно-политической обстановки в мире в чрезвычайные периоды. Все эти доклады должны носить прикладной характер, быть лаконичными и конкретными, не содержать теоретических выкладок.

О некоторых результатах своих исследований названные структуры вполне могли бы информировать и гражданское общество нашей страны через СМИ, которое пока неадекватно осведомлено о господствующих тенденциях в военно-политической обстановки в мире.

Реализация этих предложений позволила бы наиболее оптимально определять приоритеты военного строительства и использования Вооруженных Сил Российской

¹⁸ Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (до 2030 г.) Проект. М.: РАН, 2008. С. 3.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

Федерации, формулировать долговременные задачи по укреплению ее обороноспособности, своевременно разрабатывать перспективные виды вооружений, наиболее рационально выстраивать взаимоотношения с другими государствами, обладающими крупным военным потенциалом, а также вести с ними рациональный переговорный процесс в сфере контроля над вооружениями на основе принципов равенства и равной безопасности.

В настоящее время не существует ни строгой, завершенной концепции долгосрочного развития военной организации России, ни соответствующих интегрированных сил и средств. Возникшая «доктринальная пустота» должна быть как можно скорее устранена, наполнена конкретным интеллектуальным содержанием и практически предложениями, ибо развитие средств управления, связи, поражения и обороны неизбежно ведет к их интеграции как по пространственному охвату, так и по способу административного и оперативного управления, а в оценке угроз, в стратегическом прогнозе и принятии соответствующих организационных решений ведет к серьезным, даже необратимым последствиям.

Новая российская военная доктрина должна четко сформулировать главную военно-политическую цель России, определить необходимые силы и средства для ее достижения, обозначить потенциальных союзников. Изначально главная военно-политическая цель должна исходить из необходимости защиты территории и воздушного пространства над ней России, а также ее союзников в Евразии. Пока что эта концепция подкреплена лишь решением о создании Объединенной системы противовоздушной обороны (ОС ПВО) СНГ, принятым в декабре 2012 года.

В российской и постсоветских правящих элитах необходимо целенаправленно и последовательно формировать комплексную систему национальных приоритетов, в которой геополитические и военно-политические интересы не должны уступать торгово-экономическим. «Простой подход» к экономической выгоде, который, к сожалению, господствует не только в сознании постсоветских элит СНГ, но и в России, не отражает современных потребностей. Это означает, что и военная доктрина России, и ее военно-техническая составляющая должны исходить из общих приоритетов безопасности евразийских государств. Это напрямую относится к военно-техническому сотрудничеству, военной политике, управлению ВС ОДКБ, а также взаимодействию в области ВКО.

Предлагаемая работа представляет собой самый первоначальный набор идей, объединенных в общую концепцию. Эта работа не претендует на законченное исследование. Ее цель — продолжить дискуссию, начатую в российском экспертном сообществе по вопросам евразийской интеграции после известных программных заявлений Президента России В.В. Путина, по проблемам развития стратегических наступательных и оборонительных сил нашей страны.

За 2012–2013 годы в этой дискуссии произошли существенные изменения — четко образовалось два «полюса», две позиции, которые в той или иной степени проявлялись еще с 80-х годов XX века. Если сформулировать очень кратко, то первая позиция полагается на простой «асимметричный» ответ в развитии СНВ, а вторая строится на необходимости создания эффективной системы обороны страны. Разница в подходах — принципиальная.

А. И. Подберезкин, К. П. Боришполец, А. А. Казанцев, В. П. Козин, А. А. Орлов

Соответственно и оценки угроз и возможные меры по их ликвидации — различные. Более того, они еще до конца не сформулированы. Это вызывает серьезные вопросы не только к военной доктрине России, но и к перспективам управления ВС, их интеграции, программе развития ВВТ до 2020–2030 годов и т.д.

Ниже на рис. 23 представлена предлагаемая нами взаимосвязь стратегического прогноза с принятием стратегических решений.

Рис. 23

Как видно, «на вершине» пирамиды находятся **результаты** реализации стратегии, полученные после затраты неких ресурсов (финансов, времени и т.п.). Они зависят от качества принятых стратегических решений и эффективности самой стратегии, а та, в свою очередь, от качества прогноза и планирования.

Главная проблема заключается в том, чтобы лица, отвечающие за принятия решений, понимали суть стратегии и исходили из ее закономерностей, а не субъективных представлений. Иначе любые прогнозы, планы и стратегии окажутся малоэффективными.

ДОЛГОСРОЧНЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США И ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ¹⁹

Предлагаемый ниже стратегический прогноз развития вооруженных сил и вооружений США на длительную перспективу является одним из важных фрагментов представленной в данном докладе работы по прогнозированию военно-политических угроз. Он основан на инерционном сценарии развития ситуации в системе международных отношений и в самих США, однако следует отметить, что в научном сообществе выдвигаются и весьма радикальные сценарии, предполагающие весьма серьезные качественные изменения²⁰.

В качестве конечной точки отсчета выбран период 2050–2075 года. Долгосрочный прогноз, — заходящий даже за пределы 2050 г., — необходим потому, что 2075 год и даже более длительные сроки фигурируют в американских планах по модернизации СНВ и ТЯО. В частности, ставится задача сохранить в составе СЯС США ПЛАРБ типа «Огайо» еще на 42 года, а БРПЛ «Трайдент-2» на 50 лет. Именно США являются в настоящее время лидером в мировой высокотехнологичной «гонке вооружений», а также лидером в становлении новых технологий так называемого «шестого технологического уклада». Соответственно, другие участники «гонки вооружений» будут, в той или иной степени, принимать американскую линию во внимание. В случае реализации наиболее негативного сценария возможно даже начало глобальной гонки вооружений между США и их союзниками по НАТО, а также новыми быстрорастущими государствами, прежде всего Китаем и Индией. Можно предположить, что именно соперничество с новыми азиатскими гигантами с их огромными экономическими и людскими ресурсами будет провоцировать США на активную технологическую модернизацию своих Вооруженных сил. Другим фактором, провоцирующим «гонку вооружений» с участием США, может стать продолжение роста значимости разного рода новых угроз безопасности, включая международный терроризм, организованную преступность и киберугрозы, в том числе, со стороны негосударственных игроков.

Негативный опыт «холодной войны» показывает, что России не желательно автоматически втягиваться в разрушительную для нашей экономики «гонку вооружений». Тем не менее, и просто игнорировать изменения военного баланса в мире

¹⁹ Обоснование этих предложений изложено в: *Козин В.* Военные вызовы нарастают// Красная звезда. 2013. 10 декабря, а также: *Козин В.* Стратегическая аналитика и национальная безопасность России. Анализ развития глобальной военно-политической ситуации до 2099 года// Выступление в Академии Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва. 2013 23 декабря.

²⁰ Например, существуют предположения о возможности распада США. Среди других радикальных сценариев можно отметить предположения о сближении позиций ведущих держав и взятии под контроль гонки вооружений, а также противоположную точку зрения — о выходе из-под контроля американо-китайского соперничества с переходом его в состояние новой биполярной системы.

невозможно. Необходим поиск мер по нейтрализации соответствующих угроз как политическими, в рамках прагматичной и многовекторной внешней политики России, так и, не в последнюю очередь, чисто военными средствами. Выступая на расширенном заседании коллегии Министерства обороны 10 декабря 2013 года, Президент и Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации В.В.Путин заявил: «... большинство ведущих стран активно модернизируют свои военные арсеналы, вкладывают огромные средства в разработки перспективных систем вооружений, основанных на технологиях нового поколения и на новых физических принципах... Мы обязаны учитывать все эти потенциальные вызовы и угрозы безопасности нашей страны и соответственно строить нашу работу по дальнейшему укреплению Вооружённых Сил»²¹.

США и НАТО не откажутся от формулировки Чикагского саммита Североатлантического союза (май 2012 года), который принял официальное решение **о сведении ядерных, противоракетных и обычных вооружений в единый силовой механизм**, под который разработаны специальные «Правила применения силы» и для оперативного управления которым созданы и уже протестированы соответствующие командно-штабные структуры. Несмотря на различные военно-технологические инновации, США в рамках доктрины «умной силы», декларированной администрацией Обамы, продолжают линию на частичное замещение компонентов военной силы политико-дипломатическими инструментами, а также невоенными инструментами реализации государственных интересов (пропаганда, публичная дипломатия, влияние через социальные сети и т.п.). Правда, соотношение компонентов будет колебаться: республиканские администрации будут пытаться частично вернуться к более широкой опоре на военную силу, тогда как демократические традиционно склонны к большему использованию невоенных инструментов.

Киберпространство, возможно, станет одной из основных новых арен противостояния ведущих государств мира. США и некоторые из их союзников по НАТО традиционно были среди мировых лидеров в данной области. Однако уже сейчас определенное беспокойство в Вашингтоне вызывает развитие военного киберпотенциала других великих держав, прежде всего азиатских. Уже сейчас достаточно распространены стали взаимные кибератаки, направленные на похищение важной информации, нанесение определенного ущерба или даже просто проверку бдительности возможного противника. В будущем такие «киберстолкновения» будут все более частыми, как и «гонка вооружений» в киберпространстве. При этом ситуация будет усложняться за счет того, что в мировом киберпространстве кроме игроков, связанных с государствами, действует большое количество негосударственных игроков-хакеров. Отличить «кибератаку» «вольного хакера» от кибератаки враждебного государства довольно сложно, а последствия ее в современной техносфере могут быть катастрофическими.

По меньшей мере, **до 2075 года и далее до конца текущего столетия у США останутся СНВ межконтинентальной дальности**, произойдет полное обновление традиционной стратегической ядерной триады, то есть всех ее трех компонентов. Американские СНВ оставят в своем ядерном арсенале значительный «возвратный

²¹ Расширенное заседание коллегии Министерства обороны, URL: <http://www.kremlin.ru/news/19816>

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

потенциал» в качестве активного резерва в виде «оперативно неразвернутых боезарядов СНВ», который относительно «оперативно развернутых боезарядов» будет достигать 25–50% (в начале 2014 года он составлял почти 60%).

Маловероятно, что Вашингтон **пойдет на коренной пересмотр своих ядерных установок** в рамках доктрины «наступательного ядерного сдерживания путем устрашения», в частности, не пересмотрит ее ключевое положение о возможности применения ядерного оружия стратегического и тактического назначения в первом «превентивном и упреждающем» ударе по группе отдельных государств, относящихся к «потенциальным противникам». К последним может относиться и Российская Федерация.

США **продолжат боевое патрулирование своими ПЛАРБ и ПЛАРК** морских акваторий, в том числе, примыкающих к территории Российской Федерации. Высока вероятность того, что Вашингтон не пойдет на переговоры с Москвой об ограничении патрульной деятельности ПЛАРБ, ПЛА и ПЛАРК вблизи берегов Российской Федерации и США на основе взаимности.

Продолжая общее сокращение своих сил на европейском театре, Соединенные Штаты, видимо, **сохранят там** (совместно с группой государств-членов НАТО) **определенный тактический ядерный потенциал** «двойного подчинения», который будет перманентно подвергаться модернизации и обновлению. Перспективные авиабомбы с ядерной начинкой типа В-61–12 тактического назначения по-прежнему будут доставляться и тяжелыми стратегическими бомбардировщиками В-2 и их новым вариантом, который появится после снятия с вооружения ТБ В-52Н. Таким образом, обозначенные авиабомбы будут выполнять функцию стратегического ядерного оружия. Под контролем Пентагона на территории четырех европейских государств и азиатской части Турции останутся до 10–13 централизованных баз хранения ТЯО. Перспективный носитель этого вида вооружений многоцелевой истребитель-бомбардировщик F-35A останется на вооружении у США вплоть до 2070 года. Появится он и на вооружении у некоторых государств Европы и Азии.

Последующие американские администрации **не пойдут на создание безъядерного мира** и оставят в стороне реализацию этой чисто пропагандистской идеи, озвученной президентом Бараком Обамой безо всякой детализации. Отказ от ядерного оружия будет означать, что США утратят еще один козырь в противостоянии растущему влиянию «новых игроков», вроде Китая и Индии. Вашингтон будет всячески уклоняться от того, чтобы даже примерно, без политических обязательств, определить сроки выхода на «глобальный ядерный нуль» и этапы ликвидации ядерного оружия, как это было сделано Советским Союзом еще в 1986 году. В случае достижения успеха в создании и испытаниях новых стратегических образцов вооружений Вашингтон вполне может ослабить опору на ракетно-ядерные силы. Но до какой степени это будет сделано, в настоящее время предугадать в виде каких-то точных процентов не представляется возможным. Очевидно, все будет зависеть от степени эффективности замещения ракетно-ядерных сил высокоточным и высокоскоростным оружием, создаваемом на новых физических принципах, а также в обычном снаряжении.

Вашингтон будет предлагать Российской Федерации различные инициативы в сфере сокращения ракетно-ядерных вооружений **на селективной, несистемной основе**. Следует с осторожностью воспринимать такие предложения, если они обхо-

дят стороной решение проблемы ПРО, ТЯО и обычных вооруженных сил в Европе, игнорируют вопрос о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве. Нельзя также допускать, чтобы компромиссы, достигаемые на переговорах по сокращению вооружений, приносили бы большую пользу Соединенным Штатам и НАТО, чем Российской Федерации.

Пентагон уделит особое внимание **дальнейшему развитию и усовершенствованию ударно-боевых противоракетных систем, которые в основном (до 95%) будут размещены в Мировом океане**, то есть будут установлены на борту крейсеров и эсминцев с УРО, специально сконструированных под размещение ракет-перехватчиков ПРО большой дальности с целью заблаговременного перехвата баллистических и крылатых ракет других государств. Если к 2041 году в американских ВМС будет насчитываться 84 корабля с БИУС «Иджис» (или 27% от всего их корабельного состава к тому периоду времени), то к 2099 году этот показатель может быть увеличен до 50–60%. К этому списку добавятся еще три эсминца нового поколения проекта «Элмо Зумволт», а наращиваемый потенциал ракет-перехватчиков ПРО SM-3 будет усилен новыми противоракетами аналогичного предназначения в виде средств ПВО/ПРО морского базирования «Стэндрд-6» с последующими модификациями. Будут приняты на вооружение ракеты-перехватчики с РГЧ ИН.

По аналогии с ЕПАП **будут разработаны ЕПАП-2 (2022–2030 гг.), а затем и ЕПАП-3** (начиная с 2030 года).

США продолжат работы по повышению точности поражения, дальности полета и скорости движения таких ракет-перехватчиков, общее количество которых только с учетом наиболее совершенных моделей в виде противоракет SM-3 и других перспективных образцов (ракет-перехватчиков ПРО ТВД «ТНААД») в 2020 году **превысит количество развернутых носителей СНВ, установленных Пражским Договором СНВ-3** в российско-американском ракетно-ядерном балансе, а по боезарядам — к 2025–2030 годам или даже ранее. Это приведет к подрыву и дальнейшему ухудшению глобальной стратегической ситуации вследствие нарушения баланса между стратегическими наступательными и стратегическими оборонительными вооружениями (системами ПРО).

Последующие американские администрации независимо от их партийной принадлежности **будут, скорее всего, отказываться от подписания многостороннего Договора по ПРО**, который вводил бы согласованные количественные, качественные (например, скоростные), а также пространственные ограничения на размещение ударно-боевых систем ПРО за пределами континентальной территории ведущих ракетно-ядерных и противоракетных государств мира. Несмотря на обсуждение проектов, типа создания глобальной системы ПРО, вполне может возникнуть глобальный «противоракетный кризис» или «противоракетный кризис» между ведущими ядерными державами, как «старыми», так и «новыми».

Уклоняясь от переговоров по предотвращению размещения в космическом пространстве оружия любого вида, в частности, противоспутникового, и, сохраняя неизменной доктрину военного доминирования в этой среде, которая с точки зрения международного права является практически незащищенной от враждебной деятельности в ней (кроме размещения ОМП), Вашингтон, вероятно, создаст ударные космические вооружения класса «космос-космос» и «космос-поверхность». Испытание военного беспилотного мини-шаттла «Х-37В» многократного использования

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ...

с возможностью продолжительного нахождения на орбите — предвестник именно такого развития событий²².

Следует ожидать, что уже в ближайшее время США совершат **прорыв в создании гиперзвукового оружия**, а в последующем будут наращивать его производство с целью обеспечения своего абсолютного военного преимущества. Можно также с уверенностью прогнозировать появление на вооружении американской армии видов вооружений, которые будут основаны на иных физических принципах. Значительное внимание Пентагон и ведущие государства-члены НАТО будут уделять развитию **кибероружия и дальнейшей компьютеризации боевых действий**, производству автоматических и роботизированных систем ведения огня с целью сокращения потерь в живой силе. Перспективным направлением оснащения их вооруженных сил станет создание беспилотных летательных аппаратов большой грузоподъемности с размещением на них наступательных ударных и противоракетных вооружений различной огневой мощи. Будет сделан **упор на «гипердистанционные войны» с помощью БПЛА**.

Что касается геополитических проблем, то произойдут определенные изменения в американской базовой стратегии. Вооруженные силы общего назначения США будут оставаться в АТР, Западной и Восточной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке весь рассматриваемый период. Однако уже сейчас в рамках «доктрины Обамы» просматривается очевидная перемена в приоритетах, связанная с переброской основных сил США в регион АТР. В будущем, видимо, именно регион АТР, а, возможно, и Индийский океан (а не европейский театр, как прежде) станут ареной наиболее ожесточенной гонки вооружений с участием США, Китая, а, возможно, также Индии. России, с учетом наличия выхода в Тихий океан с территории нашего Дальнего Востока, также необходимо будет учитывать эти новые тенденции.

Возможно появление и новых, важных с точки зрения национальных интересов России зон военно-политического соперничества. По мере таяния льдов в Арктике, возможно, усилится проникновение американских ВМС с ракетно-ядерным, противоракетным и высокоточным оружием в обычном снаряжении в этот стратегически важный регион. Для России это будет иметь большое значение с учетом нашего интереса в плане сохранения контроля над арктическим шельфом, а также в плане возможного коммерческого использования Северного морского пути. Однако кроме США интерес к арктическому шельфу и новым морским путям проявляют и другие игроки, в частности, КНР. Поэтому в Арктике возможно разворачивание многостороннего военно-политического противостояния.

Наличие большого количества разных нетрадиционных угроз безопасности, а также стратегические интересы, связанные с необходимостью сдерживать влияние Китая, Ирана и России, возможно, вынудят США также сохранить на длительный период элементы военного присутствия в Центральной Азии (последнее, правда, не будет значительным).

Таким образом, США, по разным причинам, будут поддерживать военное присутствие, фактически, по всей периферии границ России: от Арктики, Северной и Восточной Европы, до Южной Европы, Ближнего Востока, Центральной Азии и региона АТР.

²² Козин В. Проблема предотвращения размещения оружия в космосе: сравнительный анализ позиций США и России // Проблемы национальной стратегии. 2012. №2. С. 77–97. Козин В. X-37B: старт Вашингтона к размещению оружия в космосе. Администрация США взяла решительный курс на оснащение космоса оружием // Национальная оборона. 2010. № 5, май.

Подберезкин Алексей Иванович,
Боришполец Ксения Петровна,
Казанцев Андрей Анатольевич,
Козин Владимир Петрович,
Орлов Александр Арсеньевич

Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Редактор *Т. Ф. Тищенко*
Компьютерная верстка *А. С. Туманова*

Подписано в печать 14.02.2014
Формат 60×84¹/₈. Гарнитура Минион
Бумага офсетная № 1. Усл.-печ. л. 5,5
Тираж . Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76